Эпомен:
филологические науки

Epomen:
philological sciences

электронное периодическое научное издание

№ 3, декабрь 2022
No. 3, December 2022

Учредитель: ООО «Эпомен»
Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский,проезд

2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru
© ООО «Эпомен», 2022

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Павловская Ольга Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Куренова Дария Геннадиевна, канд. филол. наук, доцент
Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александров-на

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Pavlovskaya Olga Evgenevna, doctor of Philology, professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Kurenova Dariya Gennadievna, Candidate of Philosophy, assistant professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food EconomicsAssistant
Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Ахрамович М. М.
Преемственность методов и подходов к обучению английскому языку как иностранному (стр. 5–11)

Букреева О. В.
Инклюзивное написание в современном французском языке (стр. 12–17)

Вальтер З. В.
Относительные местоимения в русско-польском переводе XVII в. в «Повести о Мустаеддыне» (стр. 18–28)

Ван Линьпэн
Применение когнитивной дидактики в обучении китайским иероглифам (стр. 29–35)

Габриелян С. С.
Содержание учебного контента как фактор повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка (стр. 36–43)

Гринкевич Е. В.
Типология речевых штампов (стр. 44–50)

Каблукова В. В., Чалахян А. Л.
Угнетение и его последствия в романе Эмиля Золя «Тереза Ракен» (стр. 51–58)

Ласкина Д. И.
О глаголах говорения в «Заповеднике» С.Д. Довлатова (стр. 59–66)

Медведева А. В., Баранова А. Р.
Анализ лексических средств выразительности в речи политических деятелей (стр. 67–72)

Меркушина Е. А.
Образ региона в сетевых средствах массовой информации (на примере Тамбовской области) (стр. 73–84)

Перевышко А. И.
Коммуникативный подход и коммуникативная компетенция в обучении иностранному языку (стр. 85–89)

Сапиева С. К.
Картина мира как этноментальный конструкт (стр. 90–94)

Уваров А. А.
Эгоцентризм – эгоизм – индивидуализм: соотношение понятий (стр. 95–101)

Ходжаева М., Груданова И. Ю.
Сопоставительный анализ речевых суеверий в туркменском и русском языках (стр. 102–109)

Table of Contents

Ahramovich M. M.
Continuity of methods and approaches to teaching English as a foreign language. (pp. 5–11)

Bukreeva O. V.
Inclusive spelling in modern French language (pp. 12–17)

Valter Z. V.
Relative pronouns in the Russian-Polish translation of the 17th century in “The Tale of Mustaeddin” (pp. 18–28)

Wang Linpeng
Application of cognitive didactics in teaching Chinese characters (pp. 29–35)

Gabrieljan S. S.
The content of educational content as a factor in increasing the motivation of students to learn a foreign language (pp. 36–43)

Grinkevich E. V.
Typology of Speech Stamps (pp. 44–50)

Kablukova V. V., Chalakhyan A. L.
Oppression and its consequences in Emile Zola's « Thérèse Raquin» (pp. 51–58)

Laskina D. I.
The verbs of speaking in the «Pushkin hills» by Sergey Dovlatov (pp. 59–66)

Medvedeva A. V,, Baranova A. R.
Analysis of lexical means in political discourse (pp. 67–72)

Merkushina E. A.
The image of the region in the Internet media (on the example of the Tambov region) (pp. 73–84)

Perevyshko A. I.
Communicative approach and communicative competence in foreign language teaching (pp. 85–89)

Sapieva S. K.
The picture of the world as an ethnomental construct (pp. 85–89)

Uvarov A. A.
Egocentrism – egoism – individualism: correlation of concepts (pp. 95–101)

Khodjaeva M., Grudanova I. Y.
Comparative analysis of speech superstitions in the Turkmen and Russian languages (pp. 102–109)

УДК/UDC 81-13

Преемственность методов и подходов к обучению английскому языку как иностранному

Ахрамович Маргарита Михайловна
Старший преподаватель кафедры ПОАР (Профессионально ориентированной английской речи)
БГЭУ (Белорусский Государственный Экономический Университет)
г. Минск, Беларусь
e-mail: m_ahramovich@mail.ru
SPIN-код: 9532-7190

Аннотация

В статье рассматриваются методы и подходы к обучению английскому языку как иностранному в отечественной и зарубежной литературе. Актуальность тематики представленной статьи обусловлена тем, что, несмотря на существующее многообразие классических и современных подходов, нет идеального метода обучения. Автор рассматривает ряд традиционных и альтернативных методов и подходов к обучению и предлагает использовать смешанный подход в качестве оптимального при обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: метод обучения, иностранный язык, обучение, методология, модель обучения, языковая компетенция.

Continuity of methods and approaches to teaching English as a foreign language

Ahramovich Margarita Mihaylovna
Senior Lecturer of the Department of POAR (Professionally Oriented English Speech)
BSEU (Belarus State Economic Univercity)
Minsk, Belarus
e-mail: m_ahramovich@mail.ru
SPIN code: 9532-7190

Abstract

The article discusses methods and approaches to teaching English as a foreign language in Russian and foreign literature. The relevance of the subject of the presented article is due to the fact that, despite the existing variety of classical and modern approaches, there is no ideal method of teaching. The author considers a number of traditional and alternative methods and approaches to teaching and suggests using a mixed approach as the optimal one when teaching foreign languages.

Key words: teaching method, foreign language, teaching, methodology, learning model, language competence.

С начала 20 века методы преподавания английского языка постепенно менялись. По сравнению с другими дисциплинами, во всем мире в методике преподавания постоянно предпринимались различные модификации в языковых программах. В попытке раскрыть важность исследований в выборе и внедрении оптимальных методов и приемов для преподавания языка и его заучивания

необходимо кратко коснуться некоторых важных периодов в развитии данной традиции.

В 17 – 19 веках весь западный мир ассоциировал изучение иностранного языка с изучением латыни и греческого языков, которые, как предполагалось, повышали интеллектуальность их носителей. В то время значительную важность придавали изучению грамматическим правилам, синтаксическим конструкциям, делали акцент на автоматическом запоминании лексики и переводе художественных текстов. Целью изучения греческого и латыни было не устное общение, а статус «учености» и иллюзия «эрудиции». Устное использование изучаемых языков не было предусмотрено.

В 17 веке чешский ученый Коменский опубликовал несколько работ, в которых обсуждались методы преподавания языка и методы работы в классе. В этих работах он подчеркивал практичность языка и стремился способствовать образованию посредством имитации, а не описания грамматических правил. Он был первым ученым, описавшим *индуктивный метод*, который делает упор на обучении языковым компетенциям вместо анализа языка.

В конце девятнадцатого столетия стал известен такой *классический метод,* как метод грамматического перевода, где в основном предполагалось понимание лишь грамматических правил, сопровождающих процесс перевода с английского на родной язык.

Метод грамматического перевода по-прежнему является одной из самых популярных и излюбленных моделей преподавания языка, которая была довольно стойкой и невосприимчивой к образовательным реформам, оставаясь стандартной и непременной методологией. Анализируя прошлый опыт, можно сказать, что его вклад данного метода в изучение языка был значительным образом ограничен, так как фокус с самого языка общения был смещен на отдельные части английского высказывания, такие как существительные, прилагательные, предлоги и т.д., ничего не делая для улучшения коммуникативных способностей студента на иностранном языке.

Основной принцип *прямого метода* Чарльза Берлица заключался в том, что изучение английского языка, как иностранного, строилось по тем же принципам и

методам изучения родного языка. В данном случае должно быть много устного общения, произвольное или инстинктивное использование языка, за исключением его перевода, а также применения анализа правил образования грамматических и синтаксических структур. Принципы прямого метода предполагали, что обучение в классе проводилось на изучаемом языке, преподавалась только повседневная лексика. С помощью картинок и предметов преподавалась конкретная лексика, в то время как абстрактная лексика преподносилась учащимся в виде ассоциаций.

Следующий метод изучения иностранного языка – это *аудиолингвальный метод*, который был основан на основных постулатах лингвистической и психологической теории. Научный описательный анализ широкого спектра языков являлся одной из его главных предпосылок. Модели обучения, основанные на обусловленности и формировании привычек, выдвинутые психологами-бихевиористами, в свою очередь, сочетались с шаблонными практиками аудиолингвального метода. К числу характеристик данного метода относятся: мимическая зависимость, необходимость запоминания заданных фраз, обучение структурным примерам с помощью повторяющихся упражнений, отсутствие грамматического объяснения, изучение лексики в контексте, использование кассет и наглядных пособий, акцент на произношении.

Данный метод преподавания широко применялся, а, начиная с 1964 года, стал заметно менее востребован отчасти из-за признания лингвистами его недостатков. При использовании аудиолингвального метода обучения чрезмерное внимание уделялось запоминанию и повторениям, а роль контекста и знаний о мире в изучении языка занижалась, что не способствовало развитию коммуникативных способностей. В результате стало понятно, что знания языка не приобретаются за счет формирования привычек, а ошибки не обязательно являются пагубными.

В 1970-е годы психологи особое внимание отвели аффективному и межличностному характеру обучения, а следом за ними, внимание лингвистов и преподавателей иностранных языков сосредоточилось на “глубинной структуре” языка. Впоследствии, в попытке извлечь выгоду из значимости психологических факторов появились новые методы изучения языка. Австралийский лингвист

Дэвид Нунан предложил назвать эти методы “дизайнерскими”, сравнивая использование такого подхода, как “один размер для всех” [1]. Далее рассмотрим два таких “дизайнерских” метода.

Суггестивный метод обещал отличные результаты при условии, если будет использована сила нашего мозга, а также наши внутренние возможности. Болгарский ученый Георгий Лозанов рассчитывал на нашу способность узнать намного больше, чем мы предполагаем. Отталкиваясь от психологических исследований по йоге и экстрасенсорному восприятию, сделанных в советское время, он использовал релаксацию, как средство сохранения новых знаний и материала, что впоследствии было оформлено и применено как новый метод обучения [2]. Ключевую роль в его методе сыграла музыка. Лозанов и его последователи попытались посадить студентов в удобные кресла и под классическую музыку на заднем фоне изучать лексику, чтение и проводить ролевые игры. Предполагалось, что, таким образом, студентам будут легко «внушаться» знания.

Конечно, с одной стороны, суггестопедия занялась ценным исследованием “сверхобучающих” возможностей нашего мозга, но, с другой стороны, некоторые направления данной системы ускоренного обучения были под большим вопросом. Например, что если не все классы будут оборудованы удобными сиденьями и звуковоспроизводящими системами? Безусловно, этот метод действенный и небезосновательный, и, время от времени, его можно применять. Совсем не обязательно соблюдать при этом все его предпосылки. Студенты в расслабленном состоянии чувствуют себя намного уверенней и становятся более восприимчивыми к обучению.

«Тихий» метод обучения (Silent Way) или метод Гаттеньо получил свое название в честь создателя. Он основывался на когнитивных, а не аффективных аргументах и характеризовался подходом к обучению, основанным на решении проблем. Гаттеньо считал, что в наилучших интересах учащихся развивать независимость и автономию и сотрудничать друг с другом в решении языковых проблем [3]. Предполагается, что учитель должен хранить молчание и должен избавиться от склонности все им объяснять. «Тихий» метод подвергся шквалу

критики, поскольку учитель был отстраненным, и, в целом, обстановка в классе не способствовала обучению.

В своих работах О'Мэлли и Анна Шамот, а также другие авторы до и после них, делают акцент на важности понимания стиля и разработки стратегии для осуществления акта владения иностранным языком [4]. В многих учебниках и учебных программах того периода времени содержались руководящие принципы создания мероприятий по формированию стратегии. Эти принципы подчеркивают важность достижения учащимися автономии. Учащимся предлагается самим отвечать за процесс обучение, не ожидая, что учитель возьмет эту роль на себя.

Потребность в общении привела к появлению коммуникативного обучения языку. Определив конструкцию коммуникативной компетенции, исследовав широкий спектр функций языка, которые должны выполнять учащиеся, а также исследовав природу стилей и невербальной коммуникации, учителя и научные исследователи теперь готовы обучать коммуникации посредством реального общения.

На данном этапе мы должны сказать, что обучение коммуникативному языку не является методом. Это подход, который выходит за рамки конкретных методов и, соответственно, техник. Это теоретический подход, изучающий природу языка и объясняющий способы его преподавания. Коммуникативный подход сосредоточен не только на грамматической или лингвистической компетенции, а на всех составляющих коммуникативной компетенции. Он вовлекает учащихся в прагматичное, функциональное использование языка в значимых целях, рассматривает беглость и точность как дополнительные принципы, лежащие в основе коммуникативных техник, использует язык в неизученных контекстах.

Из всего вышесказанного мы делаем вывод, что управляемый запас исследований всего за несколько десятилетий уступил место систематическому хранилищу информации. Исследователи всего мира имеют возможность проводить научные встречи, обмениваться мнениями, сравнивать результаты своих исследований, и приходят к некоторым объяснениям, которые опровергают прошлые объяснения и наводят на новые выводы.

Хотя на историю образования в области иностранных языков повлияло множество идей и теорий, в целом можно сказать, что всегда существовало два подхода к преподаванию. Один из них – практический, прямой или индуктивный подход, а другой – аналитический, описательный и утилитарный подход. Эти вариации и комбинации были систематизированы и описаны более подробно многими лингвистами и до сих пор применяются в различных учебных заведениях по всему миру. Важно подчеркнуть лингвистическую ценность каждого описанного метода обучения, а также правильно будет считать, что использование в преподавании методов и подходов в их совокупности может быть оптимальным решением для качественного и эффективного освоения иностранного языка учащимися.

Список литературы

1. Нунан Д. Разработка заданий для коммуникативного класса / Д. Нунан – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1989. – 224 с.
2. Лозанов Г. Суггестология и основы суггестопедии / Г. Лозанов – Нью-Йорк: Гордон и Брешь, 1978. – 377 с.
3. Гаттеньо С. Преподавание иностранных языков в школах: безмолвный путь. / С. Гаттеньо – Нью-Йорк: Образовательные решения, 1972. – 200 с.
4. О'Мэлли, Дж. М., Шамо А. У. (1990). Стратегии обучения при овладении вторым языком / Дж. М. О'Мэлли, А. У. Шамо – Кембридж, Великобритания: Издательство Кембриджского университета. – 260 с.

References

1. Source. Nunan, B. (1989). Designing for the communicative classroom. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Lozanov G. (1978). Suggestology and outlines of suggestopedy. New York: Gordon and Breach.
3. Gattegno C. (1972). Teaching foreign languages in schools: the silent way. New York: Educational Solutions.
4. O’Malley, J. M., & Chamot, A. U. (1990). Learning strategies in second language acquisition. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

УДК / UDC 811.133.1

Инклюзивное написание в современном французском языке

Букреева Ольга Валерьевна
старший преподаватель кафедры иностранных языков и МОИЯ
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
г. Челябинск, Россия
e-mail: bukreevaovchel@mail.ru
SPIN-код: 7642-5795

Аннотация

В статье рассматривается феномен инклюзивного написания, характерного для современной французской письменной речи. Данный феномен является одним из основных лингвистических и грамматических изменений, связанные с процессом феминизации языка. Инклюзивное написание представляет собой попытку изменения французской орфографии с целью визуализировать, сделать более видимыми на письме слова-наименования женщин, обеспечив при этом равное представительство мужского и женского пола.

Ключевые слова: французский язык, письменная речь, инклюзивное написание, гендерная лингвистика, грамматическая норма.

Inclusive spelling in modern French laguage

Bukreeva Olga Valeryevna
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages
South Ural State humanitarian and pedagogical University
Chelyabinsk, Russia
e-mail: bukreevaovchel@mail.ru
SPIN Code: 7642-5795

Abstract

The article examines the phenomenon of inclusive spelling, characteristic of modern French written speech. This phenomenon is one of the main linguistic and grammatical changes associated with the process of feminization of language. Inclusive spelling is an attempt to change the French spelling in order to visualize, make more visible on the letter the words-names of women, while ensuring equal representation of male and female.

Key words: French language, written speech, inclusive spelling, gender linguistics, grammatical norm.

Неоспоримым является факт, что язык в жизни человека и общества остается важным фактором существования социума. Язык является отражением народа, плодом его политической, экономической, социальной и культурной истории.

Нужно отметить, что трансформации всегда происходят по аналогии с уже освоенными конструкциями, существующими в языке, которые нашли себе новое применение, отражая при этом перемены в жизни общества.

Так, в настоящее время во французском языке происходят лингвистические и грамматические изменения, связанные с процессом феминизации. Данное явление, одновременно и лингвистическое, и политическое, не является новшеством. Начиная с 80-х. гг. XX века появляется все больше публикаций, вскрывающих «мускулинность» французского языка и предпринимаются попытки внедрения процесса лексической и грамматической феминизации.

Наиболее важным фактом остается то, что если в XX веке женщинам приходилось не только бороться за принятие использования феминитивов, но главное, и за свои права как полноценных членов современного общества, то на сегодняшний день Франция активно признает равенство полов, в том числе с помощью изменения языка. Одним из способов по устранению дискриминации по признаку гендера становится развитие инклюзивного письма. Данный феномен является письменной формой инклюзивного (гендерно-нейтрального) языка, стремящегося избавиться от отсылок к гендеру при описании людей.

То есть инклюзивное письмо закладывает идею сделать видимыми ситуации смешанной или несмешанной социальной жизни, замаскированные систематическим использованием нейтрального мужского рода.

Инклюзивное написание предполагает изменение некоторых правил орфографии французского языка в пользу визуализации на письме слов, обозначающих женщин, сделав равным присутствие слов мужского и женского рода. По правилам французской грамматики одушевленное существительное во множественном числе, обозначающее группу людей (мужского и женского пола в совокупности), априори употребляется в мужском роде. Например, les agriculteurs. Согласно правилам инклюзивного написания предполагается в каждой такой форме отражать на письме и женский род: les agriculteur·trice·s. Иначе говоря, написание антропонимов строится по следующей формуле: форма мужского рода + интерпункт + суффикс женского рода / окончание женского рода + интерпункт + окончание множественного числа. В качестве примера можно привести следующие слова: les directeur·trice·s, les sportif·ve·s, les employé·e·s. Для отделения частей слова друг от друга используется не обычная точка внизу, а специальной знак, расположенной посередине строки – интерпункт (point milieu).

Альтернативой такому написанию могут служить так называемые слова обоюдного рода, то есть слова, не имеющие морфологических различий по роду (mots épicènes): des élèves capables. То же самое наблюдается и при использовании слов обоюдного рода в единственном числе: un·e élève, un·e membre, un·e fonctionnaire.

Как следствие, возникает необходимость изменения правил согласования, по которому в классической грамматике французского языка во множественном числе мужской род преобладает над женским. Одним из решений является его замена согласованием по близости: общее прилагательное должно быть использовано в роде того существительного, которое ближе к нему находится, например: les garçons et les filles sont intelligentes. И наоборот: les filles et les garçons sont intelligents.

Следует отметить, что рекомендации затрагивают не только написание, но носят более общий характер. Так, при перечислении рекомендуется придерживаться алфавитного порядка, т. е. говорить не les hommes et les femmes, а наоборот, les femmes et les hommes, поскольку в алфавите буква «f» предшествует букве «h». Таким образом, при перечислении порядок слов не зависит от принадлежности к тому или иному полу: les femmes et les hommes, но les acteurs et les actrices или les Français et les Françaises. Цель подобной вариантности (взамен классического использования слов мужского рода на первом месте по традиции или на втором – из вежливости) – это демонстрация подлинного равенства полов. Помимо этого, рекомендуется отдавать приоритет использованию слов с обобщающим значением: le public, le peuple, une personne, un être humain, а также конструкциям нейтрального характера: les droits humains вместо привычного les droits de l’homme. Последний пример объясняется тем, что во французском языке слово homme имеет значение и «человек», и «мужчина», в то время как humain – нейтральное слово. Разработкой всех этих предложений и рекомендаций занимаются члены Высшего совета по равенству между мужчинами и женщинами при правительстве Франции (le Haut Conseil à l’égalité entre les femmes et les hommes).

В 2015 г. было выпущено практическое пособие по инклюзивному написанию, получившее довольно широкий общественный резонанс. Издательство «Hatier», которое специализируется на учебной литературе, выпустило учебник с использованием новой системы написания для школьников средней школы. А текстовый процессор «Word» создал комбинации «alt+0183» для операционной системы Windows и «maj + alt + F» для Mac OS X, которые восполняют отсутствие интерпункта на клавиатурах электронных устройств.

При этом, неуклонный рост популярности инклюзивного письма, попытки его внедрения в государственную образовательную программу, выход учебника по новой инклюзивной орфографии, проведение общенационального диктанта по новым правилам написания и согласования привели к ряду оживленных дискуссий в обществе. Например, недовольные нововведениями преподаватели обратились к министру образования Франции с петицией, в которой содержится требование запретить использование инклюзивного написания в государственных учебных заведениях. Но с другой стороны, есть и сторонники данного направления феминизации языка, которые поддерживают идею повсеместного преподавания в школе инклюзивного написания и активно его пропагандируют. Это противостояние регулярно отображается в СМИ и популярных социальных сетях.

Но, как известно, ведущая роль в регламентировании языковой и литературной нормы французского языка с XVII века принадлежит Французской Академии, и лишь она может официально принять те или иные изменения в языке. Члены этого официального органа выступили с резкой критикой инклюзивного написания, назвав его «смертельной опасностью» для французского языка. Они не просто осудили данное нововведение, но и попытались объяснить широкой публике суть проблемы с позиции науки.

Во-первых, критике противников инклюзивного письма подвергается существенное усложнение орфографии, которая даже в нынешнем состоянии, будучи построенной в основном на традиционных принципах, крайне трудна. Члены Академии отмечают, что результатом нововведения будут дополнительные трудности при освоении чтения и письма детьми. В частности, дополнительные

проблемы с обучением возникнут у слабовидящих детей и детей, страдающих дислексией.

Во-вторых, отмечается, что инклюзивное написание лишь увеличит разрыв между устной и письменной формами речи, который во французском языке, в силу определенных исторических условий, и так весьма значительный. Это приведет к еще большему затруднению освоения языка не только французами, но и иностранцами и, как следствие, к снижению интереса к изучению французского языка в принципе. А одним из приоритетов французского государства всегда были и будут вопросы престижа и распространения французского языка за пределами страны.

Несмотря на тот факт, что критики сходятся во мнении о необходимости упрощения французской орфографии с целью сближения устной и письменной речи, нельзя игнорировать процессы феминизации языка, и в частности – инклюзивного написания, которое становится неотъемлемой частью французского языка. Находясь пока вне литературной нормы, инклюзивное написание является воплощением одной из основных ценностей французского народа – равенства.

Список литературы

1. Гаффоров А. А. Гендерный подход к проблеме категории рода во французском языке / А. А. Гаффоров. // Молодой ученый. – 2016. – № 8 (112). – С. 1092-1094.
2. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании. Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. / под ред. И. Жеребкиной. – Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2001. – 708 с.
3. Коваль В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики: монография / В.И. Коваль; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. − 217 с.
4. Марусенко М. А. Ш. Балли и современная дискуссия о феминизации названий профессий, ремесел, титулов и званий // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке / под ред. М. А. Марусенко. – Санкт- Петербург: Филологический факультет СПбУ, 2010. – 312 с.
5. Черкесова З. В. Проблема гендера во французском языке: лексический и грамматический уровни / З. В. Чуркесова // Современные исследования социальных проблем. Том 10. – 2018. – No 4. – С. 224-235.

References

1. Gafforov A. A. Gender approach to the problem of gender category in the French language / A. A. Gafforov. // Young scientist. – 2016. – № 8 (112). – Pp. 1092-1094.
2. Goroshko E. I. Gender issues in linguistics. Introduction to gender studies. Study guide. / edited by I. Zherebkina. – Kharkiv: Kharkiv Center for Gender Studies, 2001. – 708 p.

3. Koval V.I. Language and text in the aspect of gender linguistics: monograph / V.I. Koval; Ministry of Education of the Republic of Belarus, Gomel State University named after F. Skorina. – Gomel: F. Skarina State University, 2007. − 217 p.

4. Marusenko M. A. Sh. Bally and the modern discussion about the feminization of the names of professions, crafts, titles and titles // Linguistic heritage of Charles Bally in the XXI century / edited by M. A. Marusenko. – St. Petersburg: Faculty of Philology of SPbU, 2010. – 312 p.

5. Cherkesova Z. V. The problem of gender in the French language: lexical and grammatical levels / Z. V. Cherkesova // Modern studies of social problems. Volume 10. – 2018. – No. 4. – pp. 224-235.

УДК/ UDC 811.161.1

Относительные местоимения в русско-польском переводе XVII в. в «Повести о Мустаеддыне»

Вальтер Зоя Варфоломеевна
студент 5 курса
МГУ им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
e-mail: zoya.walther.gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена принципам перевода относительных местоимений в церковнославянском переводе с польского «Повести о Мустаеддыне». Разграничение контекстов проводилось по следующим критериям: нарратив и прямая речь; морфология и синтаксис (окружение анализируемой лексемы). В ходе анализа были обнаружены некоторые закономерности использования книжных и некнижных вариантов местоимения: который, в отличие от иже, яже, еже, мог употребляться в косвенных падежах, в то время как книжные формы функционировали только в И.п. ед. и мн. ч. На использование того или иного местоимения влияли глагольные формы (книжные / некнижные) и контекст употребления (с чьей точки зрения подавалась информация).

Ключевые слова: история русского литературного языка, относительные местоимения, принципы перевода.

Relative pronouns in the Russian-Polish translation of the 17th century in “The Tale of Mustaeddin”

Valter Zoya Varfolomeevna, student
MSU “M.V. Lomonosov”
Moscow, Russian Federation
E-mail: zoya.walther.gmail.com

Abstract

This article is dedicated to the principles of translation of relative pronouns in the Church Slavonic translation from the Polish text “The Tale of Mustaeddin”. The contexts were distinguished according to the following criteria: narrative and direct speech; morphology and syntax (environment of the analyzed lexeme). The research showed some regularities of using bookish and non-bookish variants of pronouns. Kotory, in contradistinction to iże, jaże, jeże could be used in oblique cases, while book forms functioned only in N. case sg. and pl. The use of one or another pronoun was influenced by the verb forms (bookish / non-bookish) and the used context.

Key words: history of the Russian literary language, relative pronouns, principles of translation.

Перевод «Повести о Мустаеддыне» (ПМ) К. Дзержка *Legenda o astrologu Mustaeddynie* относится к 1670-м годам, сам польский текст, входящий в сборник *Liga z zawadą Koła Poselskiego spolnego narodu*, относится к концу XVI в. периоду нарастания антитурецких настроений в Европе, основные силы которых группировались в Ватикане[Малэк 2019, 10]. ПМ интересна не только своей

политической и литературной тематикой [Там же, 13], но и лингвистической: в тексте происходит распространение адаптирующего перевода [Пентковская 2017; Малэк 1970], отражающегося не только в лексике, но и на грамматическом и синтаксическом уровне.

Относительные местоимения *иже, яже, еже* в середине XVII в., в ходе никоновской реформы, вновь приобретают способность согласоваться с антецедентом [Успенский 2002, 458]. В это же время, в деловом и бытовом языке распространяется местоимение *который*, замещающий позиции церковнославянского (ц-сл.) эквивалента. Во второй половине XVII в. употребление относительным местоимений оказывается критерием выбора языкового регистра. Таким образом, многие тексты данного периода, в том числе переводные, не дают четкого разделения местоимений *иже* и *который,* морфологическая картина оказывается более сложной.

В данной статье мы выясним, какими факторами было мотивировано использование книжных или некнижных форм относительных местоимений, для этого будет произведено разграничение контекстов нарратива и прямой речи.

В ПМ присутствует особый принцип построения нарратива: в начале текста появляется образ рассказчика (1л. ед.ч.), вокруг точки зрения которого развивается повествование. Сам нарратив можно разделить на две части: *приближающуюся к книжному регистру* и *гибридную.*

(1) Махмет-паша, понеже то время еще *жив был*, **которому** Сулейман-салтан*отдал* духовную свою к сохранению, и имея первой чин, или везырство, у деда ←Mehmet basza, iż natenczas jeszcze *był żyw*, a mając pierwszy urząd abo wezyrstwo u dziada[Малэк 2019].

(2) наняв себе избу в Скутаре-граде, **иже** древле *наречен бяше* Калкидон ← nająwszy sobie komorę w Skutorze mieście, **które***zwano* z dawna Kalcedoma [Малэк 2019].

В контексте (2) относительное местоимение *иже* мотивирует использование книжной формы имперфекта в составе пассивной конструкции с плюсквамперфектным значением *наречен бяше*, выступающее эквивалентом синтетической безличной польской формы *zwano*. Наречие *древле* в значении

преже также отсылает к плюсквамперфектному значению [СлРЯз XI-XVII вв. вып. 4, 351]. При этом предшествующий контекст (главная часть в цепи предикативных единиц) стилистически отличается от придаточной части. В 1 ПЕ нефинитная форма *наняв* используется в полупредикативной функции (в тексте подобные формы встречаются только в качестве деепричастий), лексема *изба* ← *komora* (*жилой деревенский дом*) [Doroszewski] не встречается в книжных контекстах: раннее использование датируется XI в. в гибридных летописных текстах, далее – в XVII в. [СлРЯз XI-XVII вв., вып. 6, 92]. Таким образом, книжные элементы имеют тенденцию замыкаться в одной ПЕ, обладающей особой семантикой, в данном случае основной причиной изменения стиля является книжное плюсквамперфектное значение глагола и местоимение *иже*.

В (1) примере присутствует иное лексико-грамматическое окружение. Местоимение *который* находится рядом с некнижными глагольными формами – *перфекта без связки*: *жив был, отдал*. Союз *понеже* в причинно-следственном значении «потому что в то время...» относится к книжным элементам согласно СлРЯз XI-XVII вв. [вып. 17, 50] и контекстам НКРЯ: рекѡше дїаволоу бж҃ии корабль нн҃ѣ же не вѣмы(и) сѧ в чемъ есмы **понеже** ны взѧла есть противная бжрѧ [НКРЯ], однако данная лексема не мотивирует изменение контекста на книжный, т.к. к XVII в. данный союз является наиболее распространенным. Ключевую роль здесь играют глагольные формы, которые стилистически подчиняют относительное местоимение, не поддерживаемое польским контекстом. Более того, в данном примере, в отличие от (2), присутствует линейный нарратив: нет резких сдвигов во времени.

В (3) контекстепольское местоимение *który* заменяется на *иже*, в котором, как и в (2), глаголы выражают плюсквамперфектное значение: *бе красен был, ушел бе*, на следование книжному контексту указывает флексия Т.п. мн.ч. с неполногласной формой предлога *пред леты*, а также перевод польской лексемы *ogród*как *вертоград*, получившей распространение в XVII в. [СлРЯз XI-XVII вв. вып. 2, 99].

(3) *Бе* же тот вертоград пред леты *красен был*, належащ единому италиянину

утаенному, **иже** из Веницыи *ушел бе* и обусорманился, но по смерти *обрушились были* каменные стены ← jakoż *był* to ogród przed laty *piękny* jednego Włocha z Wenecyjej, Krytego niejakiego, **który** *był* z Wenecyjej *uciekł* i poturczył się. Ale po śmierci jego *obaliły się były* mury [Малэк 2019]

Следующие контексты с *иже* подтверждают нашу точку зрения. Несмотря на то, что в (4) и (5) контексте представлена линейная последовательность действий, как в (1), книжник все равно использует формы аориста и имперфекта в цепи ПЕ:

(4) *возлюби → призва → учаху;*

(5) *внидоша, срете*,

а также нефинитную форму, правильно согласованную с агентом действия: *чтуще ~ звездословцы* (4). Лексическая наполняемость – использование характерных для книжного регистра сложных слов: *звездословцы* (распр. в XVII в.), *частократно* (не встречается в словарях) дополняет в (4) общую стилистическую картину.

(4) *возлюби* отчасти астрологию и *призва* к себе от Египта из Александрии, из Дамаска, и из иных государств наученыхзвездословцов, **иже** его *учаху* художества того, *чтуще* ему о том частократно ← *zasmakowała* mu nieco nauka gwiazdarska. I *zezwał* do siebie z Egiptu, z Aleksandryjej, z Damaszku i z inszych państw nauczone astrologi, **którzy** go *ćwiczyli* w tej nauce, *czytając* mu ją często [Малэк 2019]

(5) Тогда салтан абие **призвав старейшаго от дверников**, *повеле* ему итти с неколикими, дабы Мустаеддына астролога взяли и, связав, в море его вкинули.**Иже** как скоро в вертоград *внидоша*, абие*срете* их веселым лицем, *рек* ← Wnet cesarz, zawoławszy **przedniejszego odźwiernego**, *kazał* mu iść z kilką inszych, aby Mustaeddyna astrologa wzięli i związawszy w morzu utopili**. Którzy** skoro *weszli* do ogroda, *przywitał* ich z wesołą twarzą i *rzekł* [Малэк 2019]

Местоимение *иже* крайне редко используется в косвенных падежах, в нарративе встречаем лишь три примера, первый не поддерживается польским источником, второй копирует польскую безличную конструкцию, но при переводе опускает относительное местоимение *со* (антецедент – *адалмаган*), оставляя

только указательное местоимение, преобразованное в относительное *ихже*, при этом, здесь, в, отличие от (С), предикативные единицы, следующие друг за другом, имеют разные по происхождению относительные местоимения, относящиеся к разным антецедентам: *ихже / которые*. В контексте (С), как и в (А), используется книжное относительное местоимение, но в отличие от (А), где находим перфект без связки: *ходили, ловили*, в (С) контекст дополняется книжными формами: аорсит *повеле,* инфинитив на -ти *разорити, сокрушити*.

(А) *Всегда предкове наши собранием на волка ходили, **егоже** так удобно ловили* [Малэк 2019];

(В) *Тогда тамо послано несколко сот людей адалмалган, **ихже** имут за десятину от христиан бедных и плачевных, **которые** оное место оградивше каменною стеною ← Tam tedy posłano kilkaset adziamaglanów, **co ich** biorą za dziesięcinę od chrześcijan, nędznych i żałosnych, **którzy** ono miejsce ogrodziwszy murem* [Малэк 2019]

(С) *Сицеву кончину восприят сицевый славный астролог, **егоже** вертоград и столп, и вся орудия повеле абие салтан разорити и сокрушити, **иже** и по се время пуст стоит ← . Ten ci koniec miał ten sławny astrolog, **którego** ogród i wieże, i instrumenta kazał zaraz cesarz wniwecz zepsować, połamać i poobalać, **tak iż** do tego czasu pustkami stoi* [Малэк 2019].

Данная особенность отмечалась в работе [Подтергера 2020, 247], посвященной относительным конструкциям в Геннадиевской Библии 1499 г. Местоимение *который*, так же как в ГБ, дополняет недостающую парадигму *иже*: используется в основном в косвенных падежах [Подтергера 2020, 262]. В отличие от ГБ, в ПМ изменяется стилистический контекст использования, в тексте встречаем 4 примера И.п. ед.мн.ч. м.р. (6), 3 из которых относятся к маркировано некнижному регистру (6.1, 6.3, 6.4): использование перфекта без связки, а также итеративный глагол *бывали*, к исключениям относится сложная лексема *доброзрачный* (6.3), не усеченная форма. Т.п. ж.р. ед.ч. *нощию* (6.4) и пр.

(6) И.п.

(6.1) И *сказали* оному вси, имянно **лазущики**, **которые** часте в Полше *бывали* ← Ukazowali mu to wszyscy, a zwłaszcza czauszowie, **którzy** tu często w

Polszcze *bywali*

(6.2) Их же имут за десятину от **христиан** бедных и плачевных, **которые** оное место оградивше каменною стеною ← co ich biorą za dziesięcinę od **chrześcijan**, nędznych i żałosnych, **którzy** ono miejsce ogrodziwszy murem

(6.3) что *ехал* морем из единаго некоего доброзрачнаго же **вертограда**, **которой** есть к Чермному морю во Азии ← że *jachał* morzem z jednego pięknego ogroda, **który** jest ku Czarnemu Morzu w Azyjej

(6.4) о, что кругом *обращался* движением единаго токмо самого оного **Мустаеддына** астролога, **которой** днем и нощию *смотрел* на небо сквозе трубу медную ← tak iż *sięobracała* za ruszeniem jednego tylko samego onego **Mustaeddina** astrologa, **który** we dnie i w nocy *patrzał* na niebo przez jeden kanał abo rurę mosiądzową [Малэк 2019]

В оставшихся примерах представлены местоимения в косвенных падежах, поддерживающиеся некнижными формами перфекта без связки: *усмотрел* (7.1), *устроил, возбудил* (7.2), составным союзом *не токмо, но и...* [СлРЯз XI-XVII вв., вып. 29, 396]. Однако не все лексическое окружение соответствует некнижному регистру, встречаются единицы более высокого стиля, например, форма инф. *обратити принужден* (7.2), которая не влияет на регистр остальных лексем.

Согласно данным В.М. Круглова и В.М. Живова местоимение *который*, как одного из характерных явлений некнижного (делового) регистра XVI в. – пер. пол. XVIII в., может относится к лексическим повторам, т.е. «маркерам референциального отождествления»: *или иного для какого своего дела в ыное* ***государство, которое государство*** *с Московским государством мирно* [Живов 2000, 578]; *Сочїни двѣ* ***шлюзы****, чтобъ едїна подле другои была, какъ E. F. къправої или лѣвоїсторонѣрѣки по разсмотренїю,* ***отъ которыхъ шлюзъ*** *ворота будутъ, как у H. G. I. L. (Буйе 1708: 46)* [Круглов 2015, 169]. В ПМ местоимение *который* в большинстве контекстов функционирует вне лексического повтора, однако встречается одно исключение в (7.1), поддерживающееся польским источником.

(7.1)

Р.п. ед.ч.

усмотрел себе изрядное **место** и вертоград за Галатою, **от которого места** не токмо Константинополи корабли к пристанищу приходящие, но корабли, и каторги ← *upatrzył* sobie piękne **miejsce** i ogród za Galatą, **z którego miejsca** nie tylko Konstantynopole, ale i okręty, galery i armadę [Малэк 2019]

(7.2)

В.п. мн.ч.

Но между сим Господь Бог *устроил* иную жертву: *возбудил* персидцкаго шаха и некоторых аравитцких князей, **на которых** оную силу, против христиан изготовленую, на арапы и персиды *обратити принужден*. ← Pan Bóg *nagotował* inszą ofiarę: *pobudził* perskiego króla i niektóre książęta arabskie, przeciwko **którym** onę moc, przeciwko chrześcijanom zgotowaną, naAraby i Persyobrócićmusiał. [Малэк 2019]

В тексте встретился пример, в котором по отношению к одному и тому же антецеденту *разум духовнаго писма* ← *senstestamentu* (8) используются местоимения разных регистров, при этом общий контекст соответствует гибридному регистру: с одной стороны, книжн. *по се время*, с другой, перфект без связки *хранил.* Схожий контекст с разными антецедентами реализуется в (9) и (С) (см. выше).

(8) Сей тогда есть **разум духовнаго писма** салтан-Сулеймана, салтана Турскаго, **которое** и по се время *соблюдают* в казне константинополской, **еже** салтан Селим, сын Сулейманов, даже до смерти своея постоянно *хранил* ← Ten tedy **sens jest testamentu** sułtan Sulejmana cesarza, **który** i do tego czasu *chowają* w skarbie konstantynopolskim, **który** sułtan Selim, syn Sulejmanów, do śmierci statecznie *chował* [Малэк 2019]

(9) что кругом *обращался* движением единаго токмо самого оного Мустаеддына астролога, **которой** днем и нощию *смотрел* на небо сквозе трубу медную, **яже** *зделана была* чрез деревяной оной столп ← tak iż *się obracała* za ruszeniem jednego tylko samego onego Mustaeddina astrologa, **który** we dnie i w nocy *patrzał* na niebo przez jeden kanał abo rurę mosiądzową, **która** *była wprawiona* przez tę drzewianą wieżę [Малэк 2019]

Как видим, формы *яже* (И.п. ср.р. мн.ч. и И.п. ж.р. ед.ч.), *еже* и *иже* в косвенных падежах (С), не всегда функционируют в маркировано книжных контекстах в нарративе, как в 10, 11: книж.: *потребна суть*, *бе*; *дщерь* и пр.

(10) И.п. мн.ч. ср.р.

Велел ему салтан дать **вся**, ***яже*** к тому *потребна суть* ← *Kazał* mudać cesarz wszytkie *potrzeby* [Малэк 2019]

(11) И.п. ед.ч. ж.р.

яко сие дед его *учинил* **жены** своея ради, **яже** *бе* от рода российскаго дщерь священника из Рогатыня ← że to Sulejman, dziad jego, *uczynił* k woli żenie swej Sultanie (**która** *była* z narodu ruskiego popówna z Rohatyna)

Таким образом, можно сделать вывод, что нарратив представляет собой гибридный регистр: книжник разбавляет текст как маркировано книжными, так и некнижными формами [Живов 1996, 32-33]. Относительное местоимение *иже* в И.п. ед.мн.ч. м.р., в отличие от других словоформ, регулярно функционирует только в книжных контекстах, в то время как другие могут стоять в одном контексте с некнижной формой *который* (8, 9).

Прямая речь иначе формируется в переводе, в отличие от общего нарратива, здесь используется большее количество книжных элементов. В (1) контексте представлен фрагмент духовной грамоты Салтана. В ней переводчик использует книжное местоимение *иже* вместе с формой одного регистра – инфинитива *владети*. В (2) на ряду с книжными союзами *аще... яко*, наречием *вельми* в сочетании со сравнительной степенью *множае* некнижного происхождения, флексией М.п. мн.ч. *вещех*, указательного местоимения *оный* присутствуют глагольные формы с имперфективными суффиксами *-ва-, -ева-*, являющиеся более поздними и, разумеется, не книжными образованиями. В (4) единственный раз за весь текст используется перфект со связкой *рекл есть*. Во всех примерах, где присутствует форма наст. времени 2л. ед.ч., употребляется только некнижная флексия *–шь*, флексия *ши* употребляется вне контекстов с относительными местоимениями и обнаруживают вариативность использования (3): (1) *тогда повеле из казны оное духовное писмо принести деда его, салтана Сулеймана, и,* ***прочетши*** *оное велегласно;* (2) *Мустаеддын,* ***можеши*** *ли ми предбудущая*

сказати мне или ни?; (3) *Ты же в мире* ***пожывеши****, покамест сам* ***восхощеш****, и победу* ***получиш***. В (3) местоимение *иже* уже не является относительным, функционирует как указательное (катафорическое) и вводит главное предложение [Подтергера 2020, 251]. В (5) используется местоимение в косвенном падеже В.п. ж.р. *юже*, сопровождаемое формой аориста 1л. ед.ч. *сотворих* и энклитической формой личного местоимения 2л. Д.п. *ти*.

(1) *Речь салтана (завещание)*

Тем же и сын мой Селим, **иже** по мне *владети учнет будет* ← Przeto i syn mój Selim, **który** *będzie* po mnie *królował*

(2) *Речь Мустаеддына*

– Аще ли то Бог дал лекарю, яко художеством своим позна***ва***ет человека по лицу смертнаго, *множае* велми *дал* Бог тем, **иже** о небесных спрашиваются вещех и во оных сяобуч***ева***ют ← – Jeśli to Bóg dał lekarzowi, że z nauki swej zna z twarzy człowieka śmiertelnego, daleko *więcej dał* tym, **którzy** się o rzeczach niebieskich pytają i w nich *się ćwiczą* [Малэк 2019]

(3) *Речь Мустаеддына*

Отвеща же, яко: – ***Иже*** под боком твоим пребывает, и той, седящи на суде, зле погинет ← Powiedział, **że**: – Pod bokiem twoim, tu tego a tego dnia, siedząc na sprawiedliwości, źle zginie [Малэк 2019]

(4) *Речь слуги салтана*

– И аще ты, салтан, человека того *не изгубиш*, тогда сия вся, **яже** ти *рекл есть*, делом збытися могут ← – Jeśli ty, cesarzu, tego człowieka *nie zgubisz*, tedy się to zstać może, **co** on *powieda*.

(5) *Речь Мустаеддына*

– Не бойся, под клятвою, **юже** сотворих ти, ничтоже зло сотворится тебе ← – Nie bój się pod tą przysięgą, **którąm** ci uczynił, żeć się nic nie zstanie [Малэк 2019]

Контексты (6) и (7) отличаются от остальных, здесь *еже* выступает в составе изъяснительно-относительного придаточного на месте конструкции *то, со* (то, что). При этом, в оба контекста поддерживаются книжными единицами: личное местоимение 1л.ед.ч. *аз*, инф. *сказати,* аорист *видех*.

(6) *Речь Мустаеддына*

– Болий аз есмь мастер, нежели твои астрологи, однако же **еже** *умею, покажу* ← – Tego nie wiem, jeślim ja jest więtszy mistrz w tej nauce niżeli twoi astrologowie, jednak **to, *co ja umiem, pokażę*** [Малэк 2019]

(7) – Аще салтан, государь мой, *сотвориш перемирье* между гневом твоим и меж душею моею, и аз, раб, *должен буду сказати* тебе, **еже** *видех* тщанием моим ← – Jeśli cesarz, pan mój, *uczyni przymierze* między gniewem swym a duszą moją, ja, sługa, *powiem* **to, com** *widział* [Малэк 2019]

Таким образом, анализ ПМ показывает, что переводчик в целом знаком с ц-сл. системой относительных местоимений, на это указывает правильное согласование с антецедентами. Однако функционирование данных форм ограничено И.п. ед. и мн.ч., косвенные падежи регулярно выражаются местоимением *который* вслед за польским источником. Книжник старается содержательно разграничивать книжные и некнижные контексты, более ярко данная дифференциация проявляется при противопоставлении нарратива и прямой речи: если в нарративе возможно использование *который* во всех падежах, то в прямой речи подобных контекстов уже не найти. Речь персонажей как письменная (духовная Салтана), так и устная противопоставляется нарративу рассказчика, появляющегося эксплицитно в начале ПМ.

Список литературы

1. Живов В. М. О связности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2001. С. 573-581

2. Живов В. М. Основные регистры письменного языка и процессы их формирования // Язык и культура в России XVIII века. М. 1996. С. 31-41

3. Круглов В.М. О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // Н.А.Гуськов, Е.М.Матвеев, М. В. Пономарева (ред.). Литературная культура России XVIII века. Вып. 6: Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. СПб. 2015. С. 167-180.

4. Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» – неизученный памятник переводной литературы XVII в. // ТОДРЛ. Памятники русской литературы X-XVII вв. –Т. 25, 1970. С. 242-258

5. Малэк Э. Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Дзержека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов)- Warszawa. 2019. 268 с.

6. Национальный (исторический) корпус русского языка [https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html]

7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. Отв. ред.

В.А. Успенский. Изд. 6-е,испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.

8. Пентковская Т.В. «Слово о милости» в церковнославянском переводе второйполовины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий. Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. Т. 6, № 2. С. 215–243

9. Подтергера И.А. Относительные предложения в русско-церковнославянском переводе «латинских» книг Геннадиевской Библии (на примере 1 книги Паралипоменон) // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. № 1 (23), 2020. С. 240-279

10. Словарь русского языка XI-XVII вв. М. «Наука» 1975-... (вып. 2, 4, 6, 17, 29)

11. Успенский Б.А. История русского языка (XI-XVII вв.) – 3 изд. испр. и доп. – М. 2002. 558 с.

12. Doroszewski Słownik języka polskiego // http://sjpd.pwn.pl/ (датаобращения: 12.10.22)

References

1. Zhivov V.M. (2001) On the coherence of the text, syntactic strategies and the formation of a new type of Russian literary language // Slovo v tekste i slovare. Sbornik statej k semidesjatiletiju akademika Ju.D. Apresjana. Moscow. Pp. 573-581 (In Russ)

2. Zhivov V.M. (1996) The main registers of the written language and the processes of their formation // Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. Moscow. Pp. 31-41 (In Russ)

3. Kruglov V.M. (2015) On the nature of the norm in the Russian language in the first quarter of the 18th century // N.A.Gus'kov, E.M.Matveev, M. V. Ponomareva (red.). Literaturnaja kul'tura Rossii XVIII veka. Vol. 6. Petra Philologica. SPb. Pp. 167-180 (In Russ)

4. Malek E. (1970) "The Tale of the Astrologer Mustaeddyn" - an unstudied monument of translated literature of the 17th century // TODRL. Pamjatniki russkoj literatury X-XVII vv. Vol. 25. Pp. 242-258 (In Russ)

5. Malek E. (2019) Legend of the astrologer Mustaeddyn by Krzysztof Dzierzek in Old Russian translation and its later processing (research and publication of texts).Warszawa (In Russ)

6. National (historical) corpus of the Russian language. Available at: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (accessed: 12.10.22)

7. Paducheva E.V. (2010) The statement and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns. Man. editor V.A. Uspenskij. Izd. 6-e,ispr. – Moscow Izd-vo LKI. (In Russ)

8. Pentkovskaja T.V. (2017) "The Word of Mercy" in the Church Slavonic translation of the second half of the 17th century. and its Polish original: transmission of realities. // Slověne = Slovѣne. International Journal of Slavic Studies. Vol. 6. № 2. – Pp. 215–243 (In Russ)

9. Podtergera I.A. (2020) Relative sentences in the Russian-Church Slavonic translation of the "Latin" books of the Gennadievs' Bible (on the example of Book 1 of Chronicles)// Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. № 1 (23) Pp. 240-279 (In Russ)

10. Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries. M. «Nauka» 1975-... (Vol. 2, 4, 6, 17, 29)

11. Uspenskii B.A. (2002) History of the Russian language (XI-XVII centuries). Moscow (In Russ)

12. Doroszewski Słownik języka polskiego Available at: // http://sjpd.pwn.pl/ (accessed: 12.10.22)

УДК/UDC 372.8

Применение когнитивной дидактики в обучении китайским иероглифам

Ван Линьпэн
Аспирант кафедры Высшей школы лингводидактики и перевода
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: Wanglinpeng@yandex.ru
SPIN-код: 13.00.02

Аннотация

Подходы к преподаванию китайских иероглифов являются актуальной проблемой методики обучения китайскому языку. Статья посвящена изучению содержательных аспектов методики обучения китайским иероглифам. В работе автор анализирует особенности структуры китайских иероглифов, уделяя особое внимание описанию структуры двух типов китайских иероглифов: простых (отдельных) и сложных (составных) иероглифов; а также рассматривает иероглифические черты и графемы как элементы их структуры. Описания сопровождаются примерами с переводом на русский язык. Автор предлагает использовать методы когнитивной дидактики как эффективный инструмент обучения китайским иероглифам. Автор делает вывод, что использование когнитивной дидактики в обучении способствует не только осознанию и запоминанию китайских иероглифов, но также повышает мотивацию обучающихся и помочь им более эффективно изучать китайский язык.

Ключевые слова: китайские иероглифы, иероглифические черты, графемы, когнитивная дидактика.

Application of cognitive didactics in teaching Chinese characters

Wang Linpeng
Postgraduate student of the Department of the Higher School of Linguodidactics and Translation
St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: Wanglinpeng@yandex.ru
SPIN code: 13.00.02

Abstract

Students usually think that learning Chinese characters is a difficult task when learning Chinese. The study of Chinese characters is the basis for mastering the Chinese language, so teaching Chinese characters has become a problem that needs to be studied in the process of teaching Chinese. The article is devoted to the study of the content aspects of the methodology for teaching Chinese characters. The author presents structural features of Chinese characters paying special attention to the structure of two types of Chinese characters: simple characters and complex characters; examples and their translation into Russian are given. The author views cognitive didactics as an effective instrument of teaching Chinese characters and assumes that the use of cognitive didactics will help not only in the awareness and memorization of Chinese characters, but will also arouse the enthusiasm of students and help them learn the language more effectively.

Key words: Chinese characters, a line in hieroglyph, grapheme, cognitive didactics.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей использования

когнитивной дидактики в обучении китайским иероглифам.

Письменные системы, используемые в большинстве стран мира, являются фонетическими, или алфавитными, люди могут примерно судить о произношении слова по самому слову, по произношению можно примерно судить о том, как слово пишется. Китайские иероглифы восходят к рисункам, китайский иероглиф является идеографической письменностью [1], и люди не могут судить о том, как слово пишется по произношению. Кроме того, существует огромное количество китайских иероглифов - их насчитывается более 50 тысяч, из них 5–8 тысяч обиходных в посведневной жизни [2], поэтому в процессе овладения китайским языком изучение китайских иероглифов является сложной задачей. Изучение китайских иероглифов является основой для овладения китайским языком, поэтому подходы к преподаванию китайских иероглифов рассматриваются как актуальная проблема методики обучения китайскому языку.

Рассмотрим особенности структуры китайских иероглифов. По внешнему строению структуры китайских иероглифов представляют собой комбинированные блочные конструкции.

Единицы современной структуры китайских иероглифов можно условно разделить на два уровня: один — иероглифические черты, другой — графемы.

1. Иероглифические черты. Черты – это наименьшие единицы, составляющие китайские иероглифы. Любой китайский иероглиф представляет собой комбинацию иероглифических черт. Иероглифическая черта является чисто графическим символом и не имеет самостоятельного значения. Всего насчитывается 32 различные иероглифические черты, из которых наиболее употребительными являются 29. Каждая черта имеет свое терминологическое название. Черты делятся на основные (простые) и производные (сложные). Знание основных иероглифических черт и правил их комбинации помогут нам понять закономерности графической структуры изучаемых иероглифов. При написании немного отличающиеся черты будут образовывать совершенно разные китайские иероглифы. Например: 千 qian (*тысяча*) и 干gan (*сухой*); 今 jin (*сегодня*) и 令 ling (*приказ*) и т.д. Это, несомненно, увеличивает сложность структуры китайских иероглифов и сложность изучения китайского языка обучающимися.

2. Графемы. Графемы – это минимальный значимый графический элемент сложного иероглифа. Все сложные иероглифы состоят из двух или более графем. Например: иероглиф 林lin (*роща*) состоит из двух одинаковых графем 木 mu (*дерево*); иероглиф 森sen (лес) состоит из трех одинаковых графем木 mu (*дерево*); иероглиф 明ming (светлый) состоит из двух графем 日ri (*солнце*) и 月yue (*луна*). Анализ графем имеет большое значение в обучении китайским иероглифам и обработке информации китайского языка. Предоставление обучающимся возможности понять значение и использование графем может помочь учащимся быстрее анализировать и осваивать китайские иероглифы.

С точки зрения внутренней структуры иероглифы можно разделить на два типа: простой (отдельный) иероглиф и сложный (составной) иероглиф [3].

1. Простой иероглиф. Простой иероглиф принадлежат цельной конструкции. Он состоит из одной графемы. Например: 日ri (*солнце*), 月yue (*луна*), 木mu (*дерево*), 子zi (*сын*), 人ren (*человек*) и т.д.

2. Сложный иероглиф. Графические структуры сложных иероглифов обычно разделить на три основные типа [3]:

а, Вертикальная структура: 只zhi (*только*), 尘chen(*пыль*), 男nan (*мужчина*) и т.д. Иероглифы этого структурного типа делятся на верхнюю и нижнюю части.

б, Горизонтальная структура: 你ni (*ты*), 好hao (хороший), 奶nai (бабушка) и т.д. Иероглифы этого структурного типа делятся на левую и правую части.

в, Охватывающая структура. Охватывающую структуру можно разделить на два типа: полностью охватывающая структура и не полностью охватывающая структура. Полностью охватывающая структура: 图tu (картина), 因yin (причина), 国guo (страна). Не полностью охватывающая структура: 风feng (ветер), 问wen (спросить), 近jin (близкий). Иероглифы этого структурного типа делятся на внешний контур и элементы внутри этого контура.

На начальном этапе изучения китайского языка обучающиеся могут получить предварительное представление о китайских иероглифах после того, как узнают основные черты, структуру и правила компоновки китайских иероглифов. Тем не менее, чтобы побудить обучающихся по-настоящему учиться и овладевать китайским языком с помощью этих базовых вещей, также требуется, чтобы

преподаватели применяли соответствующие методы обучения в процессе обучения.

Одним из эффективных инструментов обучения китайским иероглифам нам представляется когнитивная дидактика. Основополагающая цель когнитивной дидактики как теории обучения реализуется через решение ряда взаимосвязанных теоретических вопросов:

- необходимость установления целей и задач обучения;

- анализ процесса обучения и выявление его закономерностей;

- обоснование принципов и определенных правил обучения с опорой на выявленные закономерности;

- определение содержания обучения (теории и практики и их соотношения);

- определение форм организации обучения как конструкции отдельного звена процесса обучения с целью упорядочивания взаимодействия субъектов образования;

- определение и классификация методов, приемов и способов обучения для активизации учебно-познавательного процесса;

- выявление и характеристика современных средств обучения [4].

Когнитивная дидактика исследует и реализует на практике закономерности функционирования и формирования механизмов познания обучающихся с целью повышения результативности и качества высшего образования; она использует принципы и понятия педагогической психологии, традиционной и цифровой дидактики, но трансформирует и дополняет их, адаптируя под современные реалии [5]. В когнитивной дидактике как особой части когнитивной педагогики обучающиеся рассматриваются как субъект обучения в отличие от классической дидактики, где взаимодействие с обучающимися построено на принципе «стимул-реакция» [4]. Преподаватель выступает проводником, и его задача должна состоять в том, чтобы использовать языковые способности обучающихся для создания условий активного обучения. В таком процессе обучающиеся могут выйти из пассивной позиции и сформировать мотивацию активного обучения, найти метод обучения, который им подходит, чтобы лучше выучить иностранный язык.

С точки зрения теории когнитивного подхода, распознавание китайских иероглифов представляет собой процесс от части к целому, он не беспорядочный [6]. Для большинства обучающихся, когда они впервые изучают китайский язык, их познание китайского языка беспорядочно, китайский иероглиф появляется в их поле зрения как странная картинка, в которой, если одна черта разная, то значение слова уже другое. Это ставит обучающихся в затруднительное положение при изучении китайского языка. Согласно теории когнитивной дидактики, в процессе обучения китайским иероглифам преподаватели должны сделать все возможное, чтобы обучающиеся как можно скорее преобразовали беспорядочное распознавание и чтение китайских иероглифов в упорядоченное распознавание и чтение китайских иероглифов [6]. Как реализовать эту задачу? Суть в том, что преподаватели должны подготовить учебные материалы для обучения и провести эффективный анализ структуры китайских иероглифов для обучающихся.

Рассмотрим применение когнитивной дидактики в обучении китайским иероглифам подробнее.

1. Изучение простых (основных) иероглифов.

Структура простых иероглифов несложна, но есть проблема, с которой часто приходится сталкиваться при изучении простых иероглифов, а именно - путаница близких по форме иероглифов. Для решения этой проблемы мы считаем необходимым не опираться исключительно на запоминание отдельных китайских иероглифов, а принять методы когнитивной дидактики: предоставить обучающимся эффективные языковые материалы и под руководством преподавателя позволить обучающимся обнаружить разницы между китайскими иероглифами, которые близкие по форме. Например: (1) 目mu (*глаза*), 日ri (солнце), 月yue (*луна*); (2) 我wo (*я*), 找zhao (*искать*).

Если обучающиеся сознательно, самостоятельно и активно будут сравнивать и выявлять различия между иероглифами, которые близки по форме, то их будет легче запомнить и не легко забыть. При использовании этого метода обучения следует обратить внимание на то, что китайские иероглифы следует интенсивно сравнивать и предоставить обучающимся все новые слова, необходимые для освоения в программе за этот период времени, предлагать их проанализировать и

обобщить, а также выяснить их различия.

2. Изучение сложных (составных) иероглифов.

Когнитивная дидактика очень работает при изучении сложных иероглифов. Например, следующие китайские иероглифы: 打da (бить)，拍pai (*хлопать*)，扛 kang (*нести на плечах*)，抢 qiang (*отнимать*)，抬 tai (*поднимать*). Можно попросить обучающихся проанализировать структуру иероглифов, при этом они обнаружат, все эти слова имеют горизонтальную структуру и одинаковую графему 扌(*рука*), которая называется 提手旁 ti shou pang (*выдвигать руки*). Преподаватель может сообщить обучающимся, что эти иероглифы связаны с действием, с помощью изображений или действий, чтобы обучающиеся могли обобщить идеографические функции этой графемы. В будущем изучении китайских иероглифов, если обучающиеся встретят иероглифы с горизонтальной структурой, они смогут разобрать и проанализировать эти иероглифы; если встретят иероглифы с графемой 扌(рука), то смогут предположить, что эти иероглифы, вероятно, связаны с действием.

Таким образом, если обучающиеся будут анализировать структуру и расположение китайских иероглифов и смогут освоить определенное количество графем, их трудности в изучении китайских иероглифов значительно уменьшатся. При обучении китайским иероглифам преподаватели должны помочь обучающимся понять внутреннюю структуру иероглифов, и помогать обучающимся анализировать китайские иероглифы до мельчайших комбинаций единиц. Например: 贺 he (поздравлять), мы можем разобрать его, чтобы получить 加jia (добавлять) и贝bei (раковина), и мы можем разобрать加jia (добавлять) , получить 力li (сила) и口kou (род), в конце получаем три простых иероглифов: 力li (сила), 口kou (род) и 贝bei (раковина). Этот метод разделения может не только помочь обучающимся преобразовать незнакомый сложный иероглиф в знакомый и простой базовый иероглиф, но и помочь обучающимся повторить уже изученные иероглифы и запомнить их. Использование когнитивной дидактики может пробудить энтузиазм обучающихся и помочь им более эффективно изучать китайский язык.

Список литературы

1. 黄伯荣、廖序东. 现代汉语. 高等教育出版社.2000.2
2. 王笑然.对外汉语汉字教学的难点问题探析.兰州交通大学学报. 2007.5
3. 王传东, 王晓丽.从汉字构形特点看对外汉字教学. 洛阳师范学校出版社. 2008
4. Камалеева, А. Р. Концепты когнитивной дидактики: ориентация на цифровизацию высшего образования / А. Р. Камалеева // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 4(141). – С. 31–38.
5. Cognitive pedagogy: teaching aid / R.Kh. Gilmeeva, A.R. Kamaleeva, A.S. Katz, E.Yu. Levin, V. Sh. Maslennikova, L.Yu. Mukhametzyanova, T.M. Tregubova, L.A. Shibankova; under the scientific editorship of E.Yu. Levina. - Kazan: Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, 2020. - 228 p.
6. 邵菁, 金立鑫.认知功能教学法. 北京语言大学出版社. 2007.8

References

1. Huang Borong, Liao Xudong. Modern Chinese, Higher Education Press. 2000.2Source.
2. Wang Xiaoran. Analysis of Difficulties in Teaching Chinese Characters as a Foreign Language. Journal of Lanzhou Jiaotong University. 2007.5
3. Wang Chuandong, Wang Xiaoli. The Teaching of Chinese Characters to Foreign Countries from the Perspective of Chinese Characters' Configuration Characteristics. Luoyang Normal School Press. 2008
4. Kamaleeva, A. R. Concepts of cognitive didactics: focus on digitalization of higher education / A. R. Kamaleeva // Kazan Pedagogical Journal. - 2020. - No. 4 (141). – P. 31–38.
5. Cognitive pedagogy: teaching aid / R.Kh. Gilmeeva, A.R. Kamaleeva, A.S. Katz, E.Yu. Levin, V. Sh. Maslennikova, L.Yu. Mukhametzyanova, T.M. Tregubova, L.A. Shibankova; under the scientific editorship of E.Yu. Levina. - Kazan: Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, 2020. - 228 p.
6. Shao Jing, Jin Lixin. Cognitive Function Teaching Method. Beijing Language and Culture University Press. 2007.8

УДК/UDC 372.8

Содержание учебного контента как фактор повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка

Габриелян Степан Самвелович
Студент
Кубгау (Кубанский государственный аграрный университет)
Краснодар, Российская Федерация
E-mail: gabrieelyanstepan@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена изучению основных методов и подходов к повышению энтузиазма неязыковых специальностей в изучении английского языка. Рассматривая мотивацию как аспект субъективного мира учащегося, формируемый собственной мотивацией и потребностями учащегося, необходимо понимать, что преподаватели могут воздействовать на нее лишь опосредованно, и на этой основе создавать предпосылки и условия для порождения личностного интереса к труду. Среди основных методов повышения интереса учащихся к иностранному языку и тем самым их мотивации к изучению предмета мы выделили содержательную составляющую обучения, содержательную ценность учебно-методических материалов, методы организации учебной деятельности, направленные на стимулирование активности в изучении предмета. Среди основных форм, методов и средств удовлетворения этих требований мы рассматриваем активные методы обучения, использование нетрадиционных форм обучения (игровых и интерактивных), широкое использование компьютеров и информационных технологий, в том числе электронного обучения.

Ключевые слова: высшее образование, иностранный язык, иноязычная подготовка, профессионально-иноязычная коммуникативная компетентность, мотивация, способы повышения мотивации, содержание учебного материала, организация учебной деятельности, методы и средства обучения.

The content of educational content as a factor in increasing the motivation of students to learn a foreign language

Gabrieljan Stepan Samvelovich
Student
Kubsau (Kuban State Agrarian University)
Krasnodar, Russian Federation
E-mail: gabrieelyanstepan@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the study of the main methods and approaches to increasing the enthusiasm of non-linguistic specialties in learning English. Considering motivation as an aspect of the student's subjective world, formed by the student's own motivation and needs, it is necessary to understand that teachers can influence it only indirectly, and on this basis create the prerequisites and conditions for generating a personal interest in work. Among the main methods of increasing students' interest in a foreign language and thus motivating them to study the subject, we singled out the content

component of education, the content value of educational and methodological materials, methods of organizing educational activities aimed at stimulating activity in studying the subject. Among the main forms, methods and means of meeting these requirements, we consider active learning methods, the use of non-traditional forms of learning (game and interactive), the widespread use of computers and information technologies, including e-learning.

Key words: higher education, foreign language, foreign language training, professional foreign language communicative competence, motivation, ways to increase motivation, content of educational material, organization of educational activities, teaching methods and means.

Изучение иностранного языка в современном мире – важная часть жизни современных успешных людей. Знание иностранных языков не только желательно, но и необходимо. Сегодня все больше людей хотят выучить иностранный язык, потому что это знание дает им новые возможности и обогащает их духовный мир. [1]. Ключом к успешному изучению иностранного языка во многом является наличие высокого уровня мотивации обучающегося, выражающегося в наличии внутреннего интереса и побуждения к обучению. В указанной связи интерес представляют научные работы, направленные на исследование ~~вопросов мотивационных~~ подходов к изучению иностранного языка, в рамках которых выявляются ключевые способы повышения мотивации обучающихся.

Большой вклад в разработку мотивационных вопросов в области обучения иностранным языкам внесли И. А. Зимний, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, Н. М. Симонова и др. Опираясь на работы названных авторов [2], мотивацию к изучению иностранного языка мы понимаем как систему побудительных импульсов, направляющую учебную деятельность в сторону стремления к более глубокому изучению, совершенствованию и развитию иностранного языка. Потребность в обучении разговорной деятельности на иностранном языке. Вслед за А. Н. Леонтьевым мы рассматриваем мотивацию как объект, который удовлетворяет специфические потребности учащегося и направляет процесс обучения [3]. Иными словами, мотивация определяется как естественная внутренняя причина участия учащихся в учебном процессе, внутренняя цель, поставленная самими учащимися под влиянием социума. Вопрос мотивации сложен и многогранен, и в данной статье мы не претендуем на его полное

освещение, а лишь подробно остановимся на некоторых наиболее важных, с нашей точки зрения, для развития устойчивой положительной мотивации в процессе обучения, условиях и методах.

Существуют различные типы мотивов изучения иностранного языка. М. Райхельт различает два типа мотивации: внешнюю (внешнюю) и внутреннюю (внутреннюю). Внешняя мотивация связана с потребностью студентов во внешнем благополучии и стремлением избежать наказания. К внешним мотивам изучения иностранного языка относятся оценочная мотивация и мотивация успеха (работать ради хороших оценок), счастье (работать из-за давления родителей и избегать неприятностей) и самоутверждение (завоевать престиж и уважение в глазах окружающих). Внутренняя мотивация связана с отношением студентов к учебным материалам и учебному процессу. Это означает, что учащийся сознательно, без принуждения приобретает важные и ценные для него знания и умения [4].

Р. Гарднер выделяет две мотивационные направленности изучения иностранного языка: инструментальные мотивации, связанные с действительными причинами изучения иностранного языка, и синтетические мотивации, связанные с интересом к культуре языка и желанием общаться с носителями языка.

Отметим, что современная наука предлагает достаточно обширный перечень способов, позволяющих повысить уровень мотивации обучающихся лиц к освоению иностранного языка. Такими способами могут выступать: живой пример преподавателя, в рамках которого он демонстрирует собственный энтузиазм в отношении изучения иностранных языков, использование индивидуального подхода к студентам, подготовка интересного и содержательного учебного материала и т.д. [5]. В рамках данного исследования мы остановимся на вопросе влияния содержания учебного контента на повышение мотивации обучающихся к изучению иностранного языка. Под учебным контентом в данной работе мы будем понимать материалы, содержащие информацию по учебному курсу, предназначенные для восприятия обучающимся лицом в целях его вовлечения в учебную деятельность.

Содержание учебных материалов играет важную роль в формировании и

развитии учебной мотивации. Конечно, не всякий учебный материал может оказывать мотивирующее воздействие, но только в этом случае его информационное содержание может быть приспособлено к текущим и возникающим потребностям учащихся. В подборе материалов преподаватели могут полагаться на собственную интуицию, но трудно сказать, что она – надежный ориентир. Более правильным подходом было бы использование интервью и анкетирования или просто наблюдение за учащимися и выводы о том, какие темы дадут наилучшие результаты в языковом образовании, а какие сделают процесс обучения приятным. Также следует помнить, что, казалось бы, неинтересные темы могут стать очень успешными, если преподаватели смогут найти интересный способ организации учебного процесса. [6]

Одним из основных способов повышения учебной мотивации является содержательная ценность языкового материала, отвечает ли он в полной мере жизненным интересам учащихся. Исходя из этого, отбор и систематизация содержания учебников английского языка должны осуществляться в соответствии со следующими принципами:

- коммуникативная направленность: овладение языковыми материалами направлено на решение языковых проблем и удовлетворение потребностей учащихся в общении;

- личностно-профессиональная направленность: будущих специалистов интересует информация, включающая в себя все, что касается их будущей карьеры и изучаемой ими области науки, поэтому на занятиях по английскому языку учебные материалы должны быть важны для учащихся индивидуально;

- межпредметная системность содержания: в этом случае факты и события, усвоенные по предметам профессионального цикла, преподносятся студенту, с другой стороны, в новой языковой оболочке [7];

- аутентичность и открытость: этот принцип предполагает использование в процессе обучения информации, полученной из первоисточников, включая интернет-источники, СМИ и телекоммуникации.

Одним из способов повышения мотивации учащихся является повышение их интереса к культуре страны, язык которой они изучают. В указанной связи

возможно включение в учебный материал информации страноведческого характера. То есть в рамках подготовки учебного материала преподаватель должен уделять достаточное внимание культурным, национальным, историческим и иным особенностям страны. Указанные особенности также могут быть изучены в игровой форме, к примеру, по средствам организации празднования национальных праздников (Хеллоуин, Рождество и т.д.) [8].

Не менее важным аспектом повышения мотивации учащихся к изучению иностранных языков является подготовка сопроводительных материалов, которые позволяют повысить уровень вовлеченности учащихся в учебный процесс. Так, к примеру в рамках подготовки учебных материалов особое внимание может быть уделено подготовке аудиовизуальных средств. К числу аудиовизуальных средств закрепления материала могут быть отнесены наглядные пособия, презентации, фильмы на иностранном языке и т.д. Использование указанных материалов позволит учащимся более эффективно закрепить учебный материал и повысить их интерес к изучению языка в общем.

При подготовке учебных материалов не стоит пренебрегать нетрадиционными методами изучения иностранного языка. Речь в данном случае идет об интерактивных методах обучения, которые позволяют максимально вовлечь учащихся в процесс обучения. Так, к примеру, в рамках подготовки учебных материалов преподаватель может использовать квизы (викторины) в качестве нетрадиционного способа усвоения материала. Более того в рамках современной науки все чаще поощряется использование игровых методов изучения языка, в рамках которых учащиеся вовлекаются в различные игровые ситуации, которые имитируются случаи использования иностранного языка в реальной жизни. Использование игровых способов изучения иностранного языка позволяет проявить творческие и мыслительные способности учащихся, а также демонстрируют реальное практическое значение приобретаемых ими языковых навыков. [9]

Современная подготовка учебных материалов не может не включать в себя использование информационных технологий, которые позволяют существенно облегчить процесс обучения как для преподавателя, так и для учащихся лиц. Так,

в целях проверки уровня знаний учащихся лиц возможно использование компьютерного тестирования. Более того в процессе обучения возможно привлечение учащихся к самостоятельному использованию информационных технологий в рамках подготовки к учебным занятиям [10]. Также в рамках организации учебного процесса возможно пользоваться дистанционными методами обучения, которые позволяют облегчить доступ учащихся к необходимым учебным материалам.

Не менее важной задачей при подготовке учебного материала является организация самостоятельной работы учащихся. К примеру, в указанных целях можно использовать методику домашнего чтения, которая представляет собой самостоятельное изучение учащимися иноязычной художественной и иной литературы. Выбор текстов для домашнего чтения представляет собой сложную задачу и основывается на ряде ключевых критериев, которые включают в себя: соответствие литературы интересам читателя, а также насыщенность художественного произведения различной лингвострановедческой информацией. Подбор интересной читателю литературы для домашнего чтения способен повысить интерес читателя к указанному роду деятельности, а также к изучению иностранных языков в целом [11].

При подготовке учебных материалов внимание также должно уделяться вопросам организации контроля за прогрессом учащихся. Учащимся может быть трудно понять, насколько далеко они продвинулись в изучении предмета, особенно если предмет не простой. В указанной связи преподаватель должен использовать те методы контроля, которые позволять обеспечить наглядность прогресса для учащихся лиц, к примеру, уже упомянутое нами компьютерное тестирование.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что повышение мотивации к изучению иностранных языков строится на нескольких элементах: понимании целей и задач мотивации, создании благоприятной среды для учащихся, положительном примере преподавателя, вовлеченности учащихся в учебный процесс. При подготовке учебных материалов преподаватель в первую очередь должен исходить из интересов учащихся. При этом особое значение для учебного

процесса является использование наглядных аудиовизуальных средств обучения, применение нетрадиционных интерактивных способов вовлечения учащихся в учебный процесс, использование наглядных методов контроля и организация самостоятельной работы учащихся.

Список литературы:

1. Хонимкулова М.Х.К., Ибраимов Х.И. Необходимость изучения иностранных языков: теория и практика / М.Х.К. Хонимкулова, Х.И. Ибраимов //Вопросы науки и образования. – 2018. – №. 27 (39). - С. 1-4.
2. Минеева О.А., Ляшенко М.С. Исследование мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка / О.А. Минеева, М.С. Ляшенко // Балтийский гуманитарный журнал. - 2018. Т. 7. - № 4 (25). – С. 269-273.
3. Храмова Ю.Н. Формирование иноязычной компенсаторной компетенции как основная цель обучения профессиональному английскому языку / Ю.Н. Храмова, Р.Д. Хайруллин // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 56-3. – С. 246-252.
4. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: теоретико-практическое методическое пособие. / Г.В. Рогова, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахарова // - М.: Просвещение, 1991. - 287 с
5. Косинская Е.В. Роль мотивации в изучении иностранного языка / Е.В. Косинская // Территория науки. – 2015.- № 5. – С. 33-37.
6. Логинова А. В. Цифровое повествование как способ обучения коммуникации на иностранном языке/ А. В. Логинова // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — С. 805–809.
7. Минеева О.А., Оладышкина А.А., Клопова Ю.В. Способы повышения мотивации студентов к изучению английского языка / О.А. Минеева, А.А. Оладышкина, Ю.В. Клопова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2018. - Т. 7. - № 1 (22). - С. 125-128.
8. Шумская О.А. Формирование мотивации к изучению иностранного языка / О.А. Шумская // Молодой ученый. – 2016. - № 23 (127). – С. 544-545.
9. Анисимова, А. Т. Образовательные технологии обучения иностранному языку на основе личностно-ориентированного подхода / А. Т. Анисимова // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2014. – № 3. – С. 75-80.
10. Хамидова Н.Ю. Повышение мотивации к изучению иностранного языка / Н.Ю. Хамидова // Наука и образование сегодня. – 2017. - № 7 (18). – С. 63-64.
11. Анисимова, А. Т. Домашнее чтение как аспект профессиональной языковой подготовки экономистов и менеджеров / А. Т. Анисимова // Социально-экономический ежегодник - 2014. – Краснодар: Южный институт менеджмента, 2014. – С. 172-176.

References

1. Khonimkulova M.Kh.K., Ibraimov Kh.I. The need to study foreign languages: theory and practice / M.Kh.K. Khonimkulova, Kh.I. Ibraimov //Questions of science and education. – 2018. – no. 27(39). - S. 1-4.
2. Mineeva O.A., Lyashenko M.S. Study of the motivation of students of non-linguistic specialties to study a foreign language / O.A. Mineeva, M.S. Lyashenko // Baltic Humanitarian Journal. - 2018. Vol. 7. - No. 4 (25). – S. 269-273.
3. Khramova Yu.N. Formation of foreign language compensatory competence as the main goal of teaching professional English / Yu.N. Khramova, R.D. Khairullin // Problems of modern pedagogical education. - 2017. - No. 56-3. – S. 246-252.

4. Rogova G.V., Rabinovich F.M., Sakharova T.E. Methods of teaching foreign languages in secondary school: theoretical and practical methodological guide. / G.V. Rogova, F.M. Rabinovich, T.E. Sakharova // - M.: Enlightenment, 1991. - 287 p.

5. Kosinskaya E.V. The role of motivation in the study of a foreign language / E.V. Kosinskaya // Territory of Science. - 2015.- No. 5. - P. 33-37.

6. Loginova A. V. Digital narration as a way of teaching communication in a foreign language / A. V. Loginova // Young scientist. - 2015. - No. 7. - S. 805–809.

7. Mineeva O.A., Oladyshkina A.A., Klopova Yu.V. Ways to increase students' motivation to learn English / O.A. Mineeva, A.A. Oladyshkina, Yu.V. Klopova // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. - 2018. - V. 7. - No. 1 (22). - S. 125-128.

8. Shumskaya O.A. Formation of motivation for the study of a foreign language / O.A. Shumskaya // Young scientist. - 2016. - No. 23 (127). – S. 544-545.

9. Anisimova, A. T. Educational technologies for teaching a foreign language based on a personality-oriented approach / A. T. Anisimova // Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management. - 2014. - No. 3. - P. 75-80.

10. Khamidova N.Yu. Increasing motivation for learning a foreign language / N.Yu. Khamidova // Science and education today. - 2017. - No. 7 (18). – S. 63-64.

11. Anisimova, A. T. Home reading as an aspect of professional language training of economists and managers / A. T. Anisimova // Social and Economic Yearbook - 2014. - Krasnodar: Southern Institute of Management, 2014. - P. 172-176.

УДК/UDC 811.161.1

Типология речевых штампов

Гринкевич Екатерина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
г.Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: evgrinkevich@sfedu.ru
SPIN-код: 8144-2399

Аннотация

В статье представлена типология речевых штампов как результат анализа специфики их функционирования в современных художественных и публицистических текстах. Источниками языкового материала стали художественные и публицистические произведения современных писателей, данные толковых словарей русского языка и словарей перифрастических наименований, словарей новых слов. Речевые штампы могут быть дифференцированы по степени экспрессивности, по характеру структуры значения, по способу номинации. Экспрессивность штампов рассматривается как способность выражать субъективную оценку говорящим, внимание (или невнимание) к эстетической стороне текста. Типология речевых штампов, основанная на разных критериях, делает возможной многоаспектную характеристику единиц, определяя уместность употребления стабильных сочетаний слов в тексте, учитывая динамику их экспрессивных свойств, обновление синтагматических связей конструкций.

Ключевые слова: речевой штамп, экспрессивность, стереотипность, актуализация, десемантизация, номинация, сема

Typology of Speech Stamps

Grinkevich Ekaterina Vladimirovna
Candidate of the Philological sciences, associate Professor
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: evgrinkevich@sfedu.ru
SPIN-code: 8144-2399

Abstract

The article presents the typology of speech stamps as a result of the analysis of the specifics of their functioning in modern artistic and journalistic texts. The sources of the language material were the artistic and journalistic works of modern writers, data from explanatory dictionaries of the Russian language and dictionaries of peripheral names, dictionaries of new words. Speech stamps can be differentiated by the degree of expressiveness, by the nature of the structure of meaning, by the method of nomination. Expressiveness of stamps is considered as the ability to express a subjective assessment by the speaker, attention (or inattention) to the aesthetic side of the text. The typology of speech stamps based on different criteria makes possible a multidimensional characterization of units, determining the appropriateness of using stable combinations of words in the text, taking into account the dynamics of their expressive properties, updating syntagmatic connections of constructions.

Key words: speech stamp, expressiveness, stereotyping, actualization, desemanization, nomination, sema

Речевые штампы являются стабильными сочетаниями слов, которые

отличаются постоянством структуры и значения, воспроизводимостью, но, несмотря на эти признаки, могут актуализировать свои экспрессивные свойства, если применяются не автоматически, а в результате творческого усилия, повышая выразительность текста [1].

Как показывает разнообразный языковой материал, штампы целесообразно дифференцировать, учитывая такие критерии, как степень экспрессивности, способ номинации, характер структуры значения [2].

Экспрессивные возможности речевых штампов оцениваются лингвистами неоднозначно. Однако ученые называют в качестве основных признаков штампов серийность, отсутствие/«стертость» образности, десемантизацию (Сорокин Ю.А., Костомаров В.Г., Красных В.В., Солганик Г.Я.) [3, 4, 5, 6]. Эти признаки одновременно представляют собой и причины появления речевых штампов: из-за серийности применения и стабильной образности возникает стереотипность конструкции, а под влиянием стереотипности нарушаются требования языковых норм. Так происходит в случае, когда серийная модель, цель которой первоначально заключалась в усилении экспрессивности высказывания, воспринимается носителями элитарной культуры как «расхожее», затверженное определение.

Цель статьи заключается в определении типологии речевых штампов, выявлении причин снижения их экспрессивности и установлении факторов, позволяющих повысить выразительные возможности штампов.

Актуальность проделанной работы определяется не только актуальностью самой проблемы в современной лингвистике, но и процессом стереотипизации языка массовой литературы, в текстах которой все чаще встречаются стабильные сочетания слов, стереотипные выражения, штампы.

Научная новизна статьи заключается в анализе речевых штампов как единиц, чьи экспрессивные свойства способны изменяться в зависимости от синтагматических, структурных и контекстных условий.

В связи с поставленной целью в работе был использован описательный метод, а также метод дистрибутивного анализа и метод семантической идентификации исследуемых единиц.

Применение штампа по традиции не способствует усилению его экспрессивных свойств: *«здесь и стенды прямого преобразования энергии света в электричество, и электромобиль с подзарядкой батарей непосредственно от нашего* ***дневного светила****»* (В. Войнович. Монументальная пропаганда). Конструкция *дневное светило* входит в состав многокомпонентной серии однотипных структур: *небесное светило, косматое светило, хвостатое светило* [7]. Традиционное употребление этого сочетания в качестве перифрастического наименования солнца воспринимается как штамп.

Однако, когда контекст меняет структуру значения стереотипного, ставшего штампованным сочетания слов, выразительность самой конструкции и текста в целом повышается: *«Что касается* ***светил педиатрической науки****, профессоров Перкинса, Тампана Волковицкого, то они, перечеркнув весь свой план медикаментозного и физиотерапевтического воздействия, склонялись теперь только к тому, чтобы возблагодарить габонских духов и колдунов»* (В. Аксенов. Редкие земли). *Светилами науки* обычно называют в публицистике известных ученых, чьи работы получили признание. Перифраза *светила науки* как характеристика врачей, не способных спасти ребенка, содержит ироническую оценку. Таким образом, благодаря контекстуальным связям актуализируются семы иронической оценки, повышаются экспрессивные свойства стабильного сочетания слов, это способствует формированию у читателя отрицательного отношения к неквалифицированной работе врачей.

Особо следует отметить динамику экспрессивных свойств речевых штампов. Динамика традиционно понимается как «состояние движения, ход развития, изменение какого-либо явления под влиянием действующих на него факторов» [8]. Динамике экспрессивности конструкций посвящены работы Я. Мукаржовского, М.М. Бахтина [9, 10]. При мотивированном включении в текст стабильных сочетаний слов с целью усиления его прагматического воздействия и повышения эстетической направленности каждая конструкция становится выразительнее.

В зависимости от способа номинации речевые штампы бывают двух типов: речевые штампы, которые характеризуются прямым номинативным употреблением всех компонентов (*успехов в труде, успехов в работе*), и речевые штампы с переносным применением всей структуры или ее части.

Вторая группа речевых штампов отличается метафорическим переосмыслением значения компонентного состава конструкции и характеризуется серийностью. Например, в качестве названия серий, сопровождающих тексты современной массовой литературы, все чаще появляются стереотипные клишированные структуры: «*Криминально-игровой роман», «Бандитский роман», «Я-вор в законе», «Чисто убийственный бриллиант».* Массовая литература нацелена на упрощенный контакт с читателем, поэтому авторы целенаправленно используют готовые конструкции, которые обеспечивают быстрое восприятие содержания произведения.

Структура значения речевых штампов представляет собой набор денотативных и коннотативных сем и может варьироваться в зависимости от контекста. При актуализации у штампов сем оценки происходит образное переосмысление сочетания (*ароматное золото* (о розовом масле)*, белое золото* (о хлопке)) или доминирует эмоциональная оценка предмета (*неизбывная радость, неизбывная энергия*). Особую группу речевых штампов составляют конструкции, где коннотативная сема содержит стилистическую окраску. Согласно этому критерию, можно выделить две группы штампов: узуально закрепленные за определённым функциональным стилем штампы и штампы-«заимствования» из других стилей.

Узуально закрепленные за функциональным стилем штампы соотносятся с соответствующим стилем языка: публицистические (*бичевать пороки, бичевать язвы; язва войны, язва фашизма, язва терроризма; социальные язвы, государственные язвы,* канцелярские штампы (*иметь место быть*, *провести повертывание (рычага)* [11], штампы художественной речи (*лицо из мрамора, мраморное лицо, мраморный лоб, мраморные руки* [12], штампы научной речи (*настоящее исследование, актуальная проблема, насущная проблема, острая проблема)* и свойственные разговорной речи (*масса вопросов, масса проблем,*

масса народу, масса удовольствий. Однако канцелярские штампы и штампы публицистического стиля могут употребляться говорящими/пишущими в разговорной речи: *«…я говорю что я сдала все экзамены в жизни какие* ***имели место быть****…», «В нашем* ***зеленом массиве*** *так много грибов и ягод»* [13]. В таких случаях они представляют собой штампы-«заимствования» из делового или публицистического стилей, так как нарушают правила стилистического согласования конструкций, усложняя ее структурно. В разговорной речи формулы делового стиля и стабильные сочетания, частотные в публицистических текстах, становятся неуместными, превращаясь в штампы.

По степени активности применения в экспрессивной функции целесообразно различать штампы узуальные и окказиональные [14]. Узуальные штампы - это серийные (семантически и структурно) конструкции, как правило, десемантизированные из-за универсализации средств выражения. Экспрессивные возможности узуальных штампов минимальны и часто не зависят от контекста. Узуальные штампы зафиксированы толковыми словарями, словарями перифрастических наименований, словарями новых слов и под. В системе языка имеется большая группа перифраз-штампов с компонентом *золото*: *белое золото* (хлопок), *черное золото* (уголь, нефть), *зеленое золото* (лес, чай), *голубое золото* (газ), *мягкое золото* (пушнина), *коричневое золото* (какао), *сладкое золото* (сахар) [15]. Наличие многокомпонентной серии метафорических конструкций, построенных по одной модели, становится причиной деактуализации образных и оценочных сем у существительного *золото.* Степень экспрессивности узуальных штампов обусловлена количеством однотипных, построенных по одной модели сочетаний слов, тематической близостью компонентного состава и степени расширения объема их значения.

Возникновение окказиональных штампов связано с нецелесообразным употреблением единицы в качестве экспрессивного средства в пределах одного и того же текста, или с пополнением серий штампов новыми, но маловыразительными, одноструктурными сочетаниями слов. В романе «Претендент на престол» В. Войновича один из персонажей (журналист) употребляет окказиональную конструкцию *золото обыкновенное*, которая

образуется по модели узуальных штампов и строится на семантическом рассогласовании компонентов [16].

Термин *окказиональность* применяется для обозначения новых авторских единиц, однако в отношении штампов употребление термина требует пояснения. Окказиональные штампы – это стереотипные конструкции, единичные по степени употребительности, но, в отличие от окказиональных единиц в традиционном понимании, они не отличаются оригинальностью.

Таким образом, предложенная с учетом разных критериев классификация речевых штампов дает возможность многоаспектного комплексного анализа структуры и семантики речевых штампов, а также особенностей их функционирования как экспрессивных единиц.

Список литературы

1. Григорьев В.П. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии [Текст] / В.П. Григорьев. – М., 1979. – 343 с. С. 69.

2. Гринкевич Е.В. Речевые штампы: динамика их экспрессивности. Дисс…соиск…канд.филол.наук. Ростов н/Д, ЮФУ, 2007. – 129 с.

3. Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий [Текст] / Ю.А. Сорокин // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. - М., 1998. С. 133-138.

4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В.Г. Костомаров. – М., 1994. – 319 с. С.8.

5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В.В. Красных. – М., 1998.- 328 с. С. 140.

6. Солганик Г.Я. О штампах и «газетном языке» [Текст] / Г.Я. Солганик // Вестник МГУ. 1968. №2. С. 24.

7. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики) [Текст] / А.Б. Новиков. - М., 1999.- 224 с. С.149.

8. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах [Текст]. - М., 1952. т. III. -1340 с. С. 605.

9. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства [Текст] / Я. Мукаржовский. – М., 1994. – 544 с. С. 39.

10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1983. – 423 с.

11. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум [Текст]. – М., 1997.- 315 с. С. 87.

12. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка [Текст] / В.М. Мокиенко. – СПб., 2003. – 603 с. С. 260.

13. Русская разговорная речь. Тексты. [Текст] /Отв. ред. Е.А. Земская и Л.А. Капанадзе [Текст]. - М., 1978. –306 с. С.104, 144.

14. Гринкевич Е.В. Речевые штампы: динамика их экспрессивности. Дисс…соиск…канд.филол.наук. Ростов н/Д, ЮФУ, 2007.-129 с.

15. Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения [Текст] / Г.Я. Солганик.- М.,2004. – 749 с. С. 242.

16. Гринкевич Е.В. Речевые штампы: динамика их экспрессивности. Дисс…соиск…канд.филол.наук. Ростов н/Д, ЮФУ, 2007.- 129 с.

References

1. Grigoriev V.P. Poetics of words: On the material of Russian Soviet poetry [Text] / V.P. Grigoriev. – M., 1979. – 343 p. p. 69.

2. Grinkevich E.V. Speech stamps: the dynamics of their expressiveness. Diss...candidate...Candidate of Philology.sciences. Rostov n/A, SFU, 2007. – 129 p.

3. Sorokin Yu.A. Stereotype, stamp, cliche: On the problem of defining concepts [Text] / Yu.A. Sorokin // Communication: Theoretical and pragmatic problems. - M., 1998. pp. 133-138.

4. Kostomarov V.G. The linguistic taste of the epoch. From observations on the speech practice of mass media [Text] / V.G. Kostomarov. - M., 1994. – 319 p. s.8.

5. Krasnykh V.V. Virtual reality or real virtuality? (Man. Conscience. Communication) [Text] / V.V. Krasnykh. – M., 1998. - 328 p. 140.

6. Solganik G.Ya. About stamps and "newspaper language" [Text] / G.Ya. Solganik // Bulletin of Moscow State University. 1968. No.2. p. 24.

7. Novikov A.B. Dictionary of Periphrasis Russian Russian language (based on the material of newspaper journalism) [Text] / A.B. Novikov. - M., 1999.- 224 p. p.149.

8. Dictionary of modern Russian literary language. In 17 volumes [Text]. - M., 1952. vol. III. - 1340 S. S. 605.

9. Mukarzhovsky Ya. Studies on aesthetics and theory of art [Text] / Ya. Mukarzhovsky. – M., 1994. – 544 p. 39.

10. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity [Text] / M.M. Bakhtin. – M., 1983. – 423 p.

11. Culture of oral and written speech of a business person: Handbook. Practicum [Text]. – M., 1997.- 315 p. p. 87.

12. Mokienko V.M. Dictionary of comparisons of the Russian language [Text] / V.M. Mokienko. – St. Petersburg, 2003. – 603 p. 260.

13. Russian colloquial speech. Texts. [Text] /Ed. by E.A. Zemskaya and L.A. Kapanadze [Text]. - M., 1978. -306 p.104, 144.

14. Grinkevich E.V. Speech stamps: dynamics of their expressiveness. Diss...candidate...Candidate of Philology.sciences. Rostov n/A, SFU, 2007.-129 p.

15. Solganik G.Ya. Explanatory dictionary: The language of newspapers, radio, television [Text] / G.Ya. Solganik.- M., 2004. – 749 p. p. 242.

16. Grinkevich E.V. Speech stamps: the dynamics of their expressiveness. Diss...candidate...Candidate of Philology.sciences. Rostov n/A, SFU, 2007.- 129 p.

УДК/UDC 125

Угнетение и его последствия в романе Эмиля Золя «Тереза Ракен»

Каблукова Валерия Викторовна
обучающаяся бакалавриата
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия
e-mail: valeria1kab@gmail.com

Чалахян Александра Леонидовна
ассистент, кафедра иноязычного образования
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия
e-mail: alexandria@inbox.ru
SPIN-код: 5378-7717

Аннотация

Исследование посвящено анализу романа Эмиля Золя «Тереза Ракен», а именно понятию «угнетение», которое способствует раскрытию причин агрессивного поведения главной героини. В статье представлены как причины, так и последствия угнетения в детстве, которые проявляются у взрослой героини и влияют на ее жизнь. Проблемой исследования является поверхностный анализ произведения по причине игнорирования психологических аспектов героев, которые оказывают немаловажное влияние на развитие сюжетной линии. Актуальность данной работы обусловлена альтернативной интерпретацией романа «Тереза Ракен». Предмет исследования заключается во влиянии понятия «угнетения» на главную героиню, а объектом являются применение психоаналитической критики при анализе литературных произведений. Целью данной статьи - доказать, что психологическая сторона героев является одним из основных аспектов, влияющих на интерпретацию текста.

Ключевые слова: психоаналитическая критика**,** угнетение, Тереза Ракен, Эмиль Золя

Oppression and its consequences in Emile Zola's « Thérèse Raquin»

Kablukova Valeria Viktorovna
undergraduate student
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia
e-mail: valeria1kab@gmail.com

Chalakhyan Alexandra Leonidovna
research assistant, Foreign Language Education Department
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia
e-mail: alexandria16@inbox.ru
SPIN code: 5378-7717

Abstract

The study is devoted to the analysis of the novel "Thérèse Raquin" by Emile Zola, namely to the concept of oppression, which contributes to the disclosure of the reasons for the aggressive

behavior of the main character. The article presents both causes and consequences of childhood oppression, which reveal themselves in the grown-up heroine and affect her life. The problem of the research is a superficial analysis of the work owing to ignoring the psychological aspects of the characters that have an important impact on the development of the storyline. The relevance of the work is due to the alternative interpretation of the novel "Thérèse Raquin." The subject of the study is the influence of the concept of oppression on the main character while the object is the use of psychoanalytic criticism in the examination of literary works. The purpose of this article is to prove that the psychological side of the characters is one of the main aspects that affect the interpretation of the text.

Key words: psychoanalytic criticism**,** oppression, Thérèse Raquin, Émile Zola

Psychoanalysis opened new frontiers to many spheres of people's life. Despite the fact that the primacy for this field was medicine, since the publication of Otto Rank's work "The Myth of the Birth of the Hero," psychoanalysis has begun to be applied to literary works in a form of approach which is called psychoanalytic criticism [1]. The contribution of psychoanalysis gave new impetus to the critical reading of literature that was not previously studied in this manner. This type of criticism is used to justify actions made by characters as well as to suggest particular reasons for character's behaviour. Thus, the possibility of analysing the main heroine of the novel "Thérèse Raquin" gives an opportunity to see how the concept of oppression in her life affected her mental state and what consequences it led to. The research is relevant since the literary work cannot be comprehended clearly without knowing some basic concepts of psychoanalysis that can be detected there. The purpose of the article is to prove that by means of the concept of oppression we may examine the main character's behaviour (Thérèse Raquin) and find the reasons for her actions from a scientific perspective. The problem of this article is a superficial analysis of the plot due to ignorance of character's psychological state which prominently affects the behaviour.

Psychoanalytic criticism as a method of reading literature

Psychoanalysis itself can be regarded as a theory and later as a therapy that was firstly presented by Sigmund Freud in the 1890s. It focused on curing mental illnesses by analysing the connection between conscious and unconscious elements in mind [2]. With the help of this method, the Austrian neurologist concluded that patients could reveal their thoughts and emotions that were "repressed in the unconscious" and closed to the conscious mind [3, p. 568]. In the course of time, this therapeutic method started flourishing in a circle of other psychologists. Gradually, in the 20th century it prompted

its further implementation in literary works in a form of approach which is called psychoanalytic criticism.

Psychoanalytic criticism is a method of investigating literature by means of the technique of psychoanalysis that aims to find a logical explanation of the behaviour of a hero in any literary work. Nowadays, with the help of reading literary works through psychoanalytic criticism, readers and literary critics might see new hidden meanings that an author wanted to introduce consciously or unconsciously during the process of writing.

One of the aspects of psychoanalysis that will be taken as a supplementary tool to analyse Émile Zola's novel is the concept of oppression. The term oppression is defined as a process in which a person or a group is controlled by others by the means of power and privilege [4]. Mostly, oppression manifests itself through the absence of resilient autonomy that the oppressed person cannot have [5]. A person is not able to control life and have free will. Accordingly, he/she has to obey to the oppressor. Paulo Freire, a Brazilian philosopher and educator, mentions one more characteristic of the oppressed – horizontal violence [6]. He observes that oppressed people tend to project their despair and aggression on their peers by using violence.

Oppression is a destructive phenomenon that has a number of effects. One of the consequences that the oppressed person can have is a change in behaviour. Alamdari states that individuals shape their behaviour through cognitive processes and social context [7]. Consequently, there are two main types of behaviour that the oppressed may demonstrate [8]. The first type of behaviour illustrates that oppressed people have a tendency to adaptation and acceptance to the circumstances and general atmosphere of permanently being harassed. The second one is shown through resistance and behavioural changes in which the oppressed starts to bully people who are weaker.

Another way how oppression can influence a person has a relation with another psychological concept – sublimation. Sublimation can be defined as a process in which all negative experiences change into something less harmful. Mostly, the process of sublimation has a relation with other different physical activities, because such a thing helps to lower angriness, irritation and turn them into something good [9]. Thus, sublimation helps to reduce the stress that the oppressed receives from the oppressor.

The importance of analysing Émile Zola's novel "Thérèse Raquin" through psychoanalytic criticism, specifically through the concept of oppression, can help to understand her actions and behaviour in a more detailed way. Atrocity and cruelty that the main character represents in the novel can be justified by psychoanalysis, which will help readers to understand the true human nature in greater depth.

Behaviour of the oppressed and its consequences

Thérèse Raquin, the main heroine of the novel, is one of the characters who is exposed to oppression. Since the very childhood, this girl was brought up by her aunt - Madame Raquin - who serves as the main parent figure and the main oppressor in the work. As Richard Barth and Amanda Olsen claim, individuals are the main victims of oppression, especially children and teenagers, who do not have a full control of their life because of parents who may harass them [10].

The aunt controls girl's life by means of different restrictions. One of the primary ones is the absence of choice. The heroine has to share her life with the aunt's son Camille. Madame Raquin does not separate these two children who are of different sex, as a result of what, the attitude to them was the same that really affects the girl's psychological state of mind. One of the most evident examples seems to be the treatment of both children. When Camille is ill, Thérèse gets "the same medicine as her cousin, and [keeps] in the warm air of the room occupied by the invalid" despite the fact that she has "iron constitution" and does not complain about her health [11, p. 10]. Thérèse is not able to avoid this unjustified care, that is why "this obligatory life of a convalescent cause[s] her to retire within herself" [11, p. 10]. Thus, the absence of choice makes the girl close her true personality after which it will have another ensuing impact.

Suffice to say that this attitude led to one more restriction – emotional control. The aunt's influence is witnessed in her every sentence that she says to the niece. The phrase "don't make a noise; be quiet," which is repeated several times, makes the teenager hide her impetuosity within herself [11, p. 10]. By means of emotional oppression, the heroine is obliged to stop revealing her true feelings and emotions together with the complete obedience that Thérèse begins to follow in order to obey to elderly one. This retirement that Thérèse reaches within herself during childhood leads

to her behavioural change: “she [gets] into the habit of taking in a low voice, of moving about noiselessly, of remaining mute and motionless on a chair with expressionless, open eyes” [11, p. 10]. This obedience proves Akers’ theory of the oppressed behaviour and gives a clear understanding that the heroine decides to succumb to the aunt [8].

It is possible to see the true nature of the main heroine in the episode when Zola demonstrates her unity with nature. During such times, the girl always feels “a savage desire to run and shout,” but the aunt’s vigilance and strict control make the niece not to express any feelings [11, p. 11]. It is noticeable that she cannot live the life as she wants, and that is why she has to adjust to the new realities of the Raquin and accept her new fate as there is no other choice predetermined by an orphan.

Gradually, the narration of the story switches to the period of Thérèse’s adolescent and maturing. The American Academy of Pediatrics states that all psychological traumas that children experience in childhood are always reflected in adulthood and have lifelong effect [12]. Thus, during the second part of the novel readers may notice the consequences that the heroine has because of oppression, which she encountered in the period of childhood.

It is noticeable that during childhood Thérèse as an oppressed girl does not rebel and does not try to use horizontal violence [6]. Nevertheless, during the process of maturation, it seems that her fatigue of following unreasonable behaviour breaks, and she wants to use physical power to relieve stress that she has been holding in herself for such a long time. Being unable to control herself anymore during one of the wrestling games with Camille, she pushes him down and “bounded to her feet with all the savageness of a wild beast, and, with flaming face and bloodshot eyes, [falls] upon him with clenched fists” [11, p. 12]. Such an animal behaviour proves her horizontal violence that she fulfills on her peer during the game.

The consequences of oppression and all of Madame Raquin’s restrictions that the main character faces likewise influence her mental health. The drastic changes in behaviour make the girl feel negative emotions that are represented through depression, unstable emotional state, and obsessive thoughts: “but previous to this depression what nights of anger I had. Down there at Vernon, in my frigid room, I beat myself, taxed myself with cowardice. My blood was on the boil, and I would have lacerated my body”

[11, p. 34].

Nevertheless, everything changes with the emergence of Camille's friend, Laurent, for whom Thérèse as already grown up woman starts feeling affection. The reason for her behavioural modification may lie in the fact that she starts projecting her oppression through sublimation. Her focus on depression and obsessive thoughts "of flinging [herself] into the Seine" changes into the ideas about love with a new man [11, p. 34]. The oppressed woman no longer feels repression, namely after she commits adultery with this man. Here, adultery can be seen as an aspect of sublimation that discloses Thérèse's desire to lower her harassment and angriness through physical intercourse with Laurent. Thus, Camille's friend manages to reveal her "potential" and true nature, with the help of which she changes her personality and "[reveals] all her being and [explains] her life" [11, p. 33].

The peak of consequences reaches its highest point with the murder of Camille that two lovers commit during their little journey on a boat. As Akers states, the use of violence from the oppressed can happen only in the case when a person who is bullied is weaker in comparison with the oppressed [8]. Accordingly, it can be suggested that the heroine goes to such a reckless action only because of Laurent, who make her feel superior and stronger in relation to Camille.

As the murder does not go unnoticed, it affects Madame Raquin. The old lady starts having problems with health which lead to her paralysis. Being not able to neither make any actions nor speak, she has to stay paralysed and only exist. From this moment the niece starts taking care of her and step by step becomes the oppressor. When Madame Raquin finds out who actually killed her son, she feels disgust towards Laurent and Thérèse. However, the heroine bursts into episodes of fake love and asks for aunt's forgiveness, which is hurtful for the old lady in such a manner that she feels "sensation of bitter repugnance and rage" [11, p. 174]. As Alamdari points out the behaviour of the oppressor is completely different from the oppressed. Accordingly, people who are in the oppressor position" never question their "oppressive behaviour" and continue harassing their victims [7]. Therefore, it is seen that despite the fact that the aunt finds out about the murder, the niece still does not feel sorry and continues torturing her aunt by reminding of Camille's death which is odious to the old lady.

After some time, Thérèse's episodes of love switch into "frigid cruelty and egotistic indifference" [11, p. 192]. Thérèse does not feed her properly, and every time when the main character becomes angry and bursts into "fits of rage," she "open[s] the jaw of the paralysed woman as you open that of an animal which resists" [11, p. 185]. By seeing that Madame Raquin has become a weak person, the niece decides to repeat the oppressor's treating that she had in childhood. The apogee of Thérèse turning into the real oppressor reveals itself when the main character takes "the vacant chair of Madame Raquin behind the counter" [11, p. 187] that demonstrates her full transformation into the oppressor.

Conclusion

As it can be seen, psychoanalytic criticism helps to take a look at literature from a new perspective. By taking a look at the novel "Thérèse Raquin" through psychoanalysis, it was proved that the actions of the main characters can be explained and justified to a certain extent. During the whole narration, the heroine undergoes behavioural modification of two main stages of oppression. The phases are reflected through her obedience and acceptance of her situation, and later through her rebellion that she projects via sublimation. As a result, it can be stated that psychoanalytic reading of the literary work helps readers to gain a deeper understanding of human nature and psychological behaviour.

Список литературы

1. James, Henry, Peter Beidler. (1995). Psychoanalytic Criticism and The Turn of the Screw. London, Palgrave Macmillan.

2. Pearsall, Judy. (1999). The Concise Oxford Dictionary. Oxford University Press.

3. Rivkin, Julie, Michael Ryan. (2017). Literary Theory: an Anthology. San Francisco, Blackwell Publishing, 3rd edition. P. 568

4. David, E. J. R., Derthick, Annie O. (2017, October). The Psychology of Oppression. Springer Publishing Company. Pp. 3-5

5. Zutlevics, T.L. (2002, December 17). Towards a Theory of Oppression. Blackwell Publishers Ltd. P. 84. https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-9329.00177. Accessed November 17.

6. Freire, Paulo. (2005). Pedagogy of the Oppressed. The Continuum International Publishing Group Inc. P. 62

7. Alamdari, Sara Makki. (2020). Psychology of the Oppressed: Viewpoints. IUPUI ScholarWorks. P. 2

8. Akers, R. L. (2009, February 28). Social learning and social structure: A general theory of crime and deviance. Transaction Publishers.

9. Barry, P. (2002). Beginning theory: An introduction to literary and cultural theory: Fourth edition (Beginnings) (2th ed.). Manchester University Press. Pp. 98-115

10. Barth, Richard P, Olsen, Amanda N. (2020, January 22). Are children oppressed? The timely importance of answering this question. Children and Youth Services Review. P.3. https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0190740919308412. Accessed November 16.

11. Zola, Émile (2019). Thérèse Raquin. Global Grey.

12. American Academy of Pediatrics. (2014). Adverse childhood experiences and the lifelong consequences of trauma.

УДК/UDC 125

О глаголах говорения в «Заповеднике» С.Д. Довлатова

Ласкина Дарья Игоревна
Магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
laskinad@inbox.ru
0000-0002-9730-6991

Аннотация

В работе исследуется глагольная лексика повести «Заповедник» С.Д. Довлатова. Предпринимается попытка классифицировать глаголы говорения и описать функциональные разновидности глаголов в зависимости от их модусного содержания. Сделан вывод о том, что речевой модус формируется в некоторых ситуациях с помощью нескольких неотделимых друг от друга элементов. В работе описана уникальная особенность художественного текста и коммуникативного пространства определенного произведения – окказиональные глаголы говорения в художественном пространстве становятся частью другой лексико-семантической группы.

Ключевые слова: глагольная лексика, идиостиль, лексико-семантические группы глаголов, идиолект, модус говорения

The verbs of speaking in the «Pushkin hills» by Sergey Dovlatov

Laskina Daria Igorevna
Student
Saint-Petersburg state university
Saint-Petersburg, Russia
laskinad@inbox.ru
0000-0002-9730-6991

Abstract

The paper examines the verbal vocabulary of the story "Pushkin Hills" by S Dovlatov. An attempt is made to classify the verbs of speaking and describe the functional varieties of verbs depending on their modus content. It is concluded that the speech mode is formed in some situations with the help of several inseparable elements. The paper describes a unique feature of the literary text and the communicative space of a certain work – the occasional verbs of speaking in the artistic space become part of another lexico-semantic group.

Keywords: verbal vocabulary, idiostyle, lexico-semantic groups of verbs, idiolect, mode of speaking

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения «стилистически тонкая, филигранная, лаконично-глубокая, трагически-ироническая, выразительная

психологическая проза» С.Д. Довлатова – так характеризуется творчество писателя в статье В.В. Малащенко [Малащенко, 2018].

Неповторимое художественное пространство «Заповедника» [1], его анекдотические элементы, микроабсурды на уровне одного предложения, непритязательный, на первый взгляд, стиль речи с элементами обсценной и просторечной лексики, представляет огромный языковой интерес для нас. Внешняя простота довлатовской прозы и тот языковой комфорт, который она рождает – тончайшая работа мастера и стилиста. Для достижения такого эффекта, «воздуха» в повести, Сергей Довлатов, например, не использовал в одном предложении слова, начинающиеся на одну и ту же букву, а также размывал определенность, предпочитая точкам многоточия в конце предложения. Иосиф Бродский говорил, что Его тексты держатся на «ритме фразы», «каденции авторской речи» и написаны на манер стихотворений: «Это скорее пение, чем повествование».

Центральный сюжет «Заповедника» выглядит тяжеловесным, медленно развивающимся, лишённым резких поворотов, но благодаря нанизанным на его ось маленьким анекдотическим новеллам или, по выражению Виктора Топорова, «микроабсурдам», повесть оставляет ощущение лёгкости. Сюжетная линия «Заповедника» кажется тяжело воспринимающейся, лишенной сюжетных виражей и резких поворотов и развивающейся медленно, но благодаря «микроабсурдам», как их называет Виктор Топоров в работе «Довлатова обидеть может каждый», повесть оставляет ощущение легкости [Топоров, с. 162-168]. Игорь Сухих замечал, что «Довлатова легко читать взахлёб…но трудно — по диагонали. Текст вспухает сюжетами, микрокульминациями, ключевая фраза может вспыхнуть в любой точке сюжетного пространства» [Сухих, 2017]. Такие «микроабсурды» реализуются за счет также лексических средств – в нашем случае глаголов говорения, которые в повести представляют особый пласт лексики и составляют 159 предикатных контекстов (подсчеты автора).

[1] Впервые «Заповедник» опубликован в 1983 году в американском издательстве Hermitage Publishers, основанном Игорем и Мариной Ефимовыми , друзьями Довлатова и бывшими редакторами издательства Ardis Publishing. В СССР «Заповедник» вышел в издательстве «Васильевский остров» в 1990 году, практически сразу после смерти автора: это была первая книга Довлатова, опубликованная на родине.

При анализе глагольной лексики был использован функционально-текстовый подход, притом исследование ограничивалось только семантикой глагола для подбора речевого материала. Все модусные категории, по мнению Н.Н. Болдырева, релятивны, т.е. зависят от других концептуальных структур. Это положение оправдано логическим строением языка и мышления. Автор объясняет это тем, что «не существует отрицания, плохой или хорошей оценки, эвиденциальности, определенности или неопределенности и т.д. безотносительно к чему-либо, т.е. самих по себе. [Болдырев, 2009]. Действительно, все категории модусного плана начинают «жить» при определенных условиях, в определенном контексте, окружении, а также при непосредственном участии мыслящего субъекта.

1. Анализ текста с помощью функционально текстового подхода
2. Вычленение контекстов с глаголами говорения
3. Создание картотеки глаголов говорения
4. Деление собранного материала на группы, в зависимости от трёх классификаций (Зализняка А.А, Васильева Л.М., Кодухова В.И.)
5. Анализ групп, выделение специфических особенностей функционирования в художественном произведении

Сбор материала: глагол говорения ‘сказал’, вводящий прямую речь, используется в тексте 82 раза в различных коммуникативных ситуациях. ‘Спросил’ – 38 раза, ‘ответил’ – 13 раз. Глагол 1 лица ‘говорю’, который зачастую делит прямую речь на две части, представляет особый интерес, так как употребляется в тексте 80 раз. Речевой модус, который создается этим глаголом, и его использование вместо конструкции ‘глагол+местоимение’ («я сказал/ответил/спросил»), кроме формальной причины – передачи информации от первого лица, выражает ещё одну из особенностей довлатовского идиолекта – простоту и лапидарность передачи основной идеи высказывания.

Нейтральные: Акт говорения в общем виде (по Кодухову В.И.)	**Эмоциональная оценка ситуации говорящим: Эмоциональные (по Зализняку А.А.) Со значением эмоционального отношения и оценки (по Васильеву Л.М.)**	**Особенности интонации, специфика прямой речи: Особенности акта говорения (по Кодухову В.И.) Акустические аспекты произнесения текста (по Зализняку А.А.)**
Говорю	Проговорил он с фальшивым трагизмом	Сменила возвышенный тон на более земной
Сказала	Удивился	Вяло произнесла
Спросила	Я горячо возразил	Раздраженно сказала
Ответил	Возмущается	Вяло говорил он
Поинтересовался	Сардонически усмехался	Дико заорал
Пояснила	Назойливо повторял	Коротко высказался
Уточнил	Миролюбиво соглашался	Неожиданно произнесла
		Пробормотал
		И затем немного возвысив голос
		Выговорила она
		Приоткрыл дверь и скомандовал
		Выкрикивал
		Шептала
		То и дело восклицая
		Чуть слышно выговорила

Таблица 2.1 Картотека глаголов говорения «Заповедника»: группы «Нейтральные глаголы говорения», «Эмоциональная оценка», «Особенности интонации, специфика прямой речи»

Наречные комплексы ‘нейтральный глагол + наречие, конструирующее экспрессивную оценку’: вяло произнесла, неожиданно спросила, раздраженно сказала, коротко высказался, печально ответила, я зло сказал, сурово уточнил, также являются элементами лексико-семантической группы глаголов говорения «Заповедника».

Глаголы первой группы ‘нейтральные’ (см. таблицу 2.1) по классификации В.И. Кодухова могут быть отнесены к отделу А. Глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде, а глаголы группы ‘особенности коммуникативной

ситуации ’Речевой модус формируется с помощью глаголов говорения и дополнительных средств которые являются добавочными для предиката.

Не являются глаголами говорения без худ. пространства, в котором вводят прямую речь	**Комплексы неотделимые друг от друга элементы, которые сообща формируют речевой модус**	**Характер протекания речи (Кодухов), особенности коммуникативной ситуации Разные типы речевых действий (Зализняк)**
Заинтересованно приподнялся	Произнесла эту фразу внезапно и, я бы сказал — застенчиво.	Перебила
Он изводил меня	И я произнес нечто лирическое	Объяснила
Удивился	Я продолжал декламировать, лихорадочно соображая:	Неожиданно спросила
Сдался	Со значением выговорил:	Не унимался он
Не выдержал я	Довольно улыбался и вещал	Согласился Михал Иваныч
Окончательно взбесился я	В ответ раздавалось:	Объясняю
Истерически расхохоталась Натэлла	Ответил я, вяло просияв	В ответ раздавалось:

Таблица 2.2 Картотека глаголов говорения «Заповедник»: группы «Не являются глаголами говорения без художественного пространства», «Комплексы», «Характер протекания речи»

Глаголы второй группы «Эмоциональная оценка ситуации говорящим» могут быть отнесены к группе «Эмоциональные» в классификации А.А. Зализняка и приобретать значение «Эмоционального отношения и оценки» по Л.М. Васильеву.

Глаголы говорения, обозначающие интонации или специфические особенности вводимой прямой речи в классификации В.И. Кодухова могут быть отнесены к группе «Особенности акта говорения» и к группе «Акустические аспекты произнесения текста» по классификации А.А. Зализняка.

Группу, которую мы назвали «Особенности коммуникативной ситуации», относим к отделу «Характер протекания речи» по В.И. Кодухову, и к отделу

«Разные типы речевых действий» по А.А. Зализняку.

В ходе исследования мы выделили ещё две группы, которые не представляется возможным соотнести с определенными группами глаголов в классификациях. Это группы «Не являются глаголами говорения без художественного пространства, в котором вводят прямую речь» и « Комплексы неотделимые друг от друга элементы, которые сообща формируют речевой модус». Эти специфические группы характерны только для определенного художественного пространства и иллюстрируют два допущения:

1. Речевой модус формируется в некоторых ситуациях с помощью нескольких неотделимых друг от друга элементов.

2. Окказиональные глаголы говорения в художественном пространстве становятся частью другой лексико-семантической группы – это уникальная особенность художественного текста и коммуникативного пространства определенного произведения.

Исходя из рабочего определения глаголов «**глаголами говорения** называются все глаголы, которые вводят в тексте прямую речь, т.е. как узуальные, так и окказиональные» и из того, что нельзя отделить составляющие глагольного комплекса («я продолжал декламировать, лихорадочно соображая», «довольно улыбался и вещал», «ответил, вяло просияв»), так как эти составляющие влияют на семантику глагола, уточняя описываемую ситуацию, мы можем свои допущения подтвердить. Стоит говорить о том, что такие преобразования возможны только в художественном пространстве каждого отдельного автора – это и обусловливает оригинальность и уникальность его идиолекта.

Собственно глаголы говорения в «Заповеднике» представлены достаточно широко; процесс говорения является единственным их значением. Глаголы, значение которых связано с разного рода звуковыми манифестациями речи человека, с особенностями акта говорения и акустическими аспектами произнесения текста имеют несколько иную интерпретацию: «речевое» значение этих глаголов является для них вторичным, функционально-производным.

Писатель использует данные глаголы для характеристики настроения, состояния, темперамента своего персонажа. Глаголы эмоционального действия

обозначают различные эмоциональные состояния, передают эмоциональную составляющую высказывания и дают характеристику процесса говорения. Наречные комплексы ‘нейтральный глагол + наречие, конструирующее экспрессивную оценку’ также включаются в лексико-семантическую группу глаголов говорения, так как только в комплексе раскрывается семантика используемого автором глагола. Глаголы были проанализированы с помощью трёх классификаций, что помогло более точно определить их функциональную роль и стилистические особенности в художественном тексте, а также были добавлены дополнительные отделы при составлении картотеки глаголов, которые проиллюстрировали допущения, выдвинутые в ходе анализа, и подтвердили их.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7-16.
2. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. - М.: Высшая школа, 1981. - 184 с.
3. Довлатов С.Д. Заповедник. - Ленинград: Васильевский остров, 1990
4. Зализняк А. А. Глагол говорить: Три этюда к словесному портрету // Язык о языке. М., 2000. С. 399.
5. Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. - М.: Наука, 1957. - 87 с.
6. Малащенко В.В. Художественная деталь и семантика заглавия повести С. Довлатова «Заповедник» // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2018. – № 12. – С. 201–210.
7. Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. - СПб.; М.: Пальмира; 2017. - 280 с.
8. Топоров В. Довлатова обидеть может каждый // Город. - 2005. - №36. - С. 162-168.

References

1. Boldyrev N.N., Magirovskaya O.V. Linguistic representation of the main levels of cognition // Questions of cognitive linguistics. 2009. No. 2. pp. 7-16.
2. Vasiliev L.M. Semantics of the Russian verb. - M.: Higher School, 1981. - 184 p.
3. Dovlatov S.D. Nature Reserve. - Leningrad: Vasilievsky Island, 1990
4. Zaliznyak A. A. Verb to speak: Three studies for a verbal portrait // Language about language. M., 2000. p. 399.
5. Kodukhov V.I. Direct and indirect speech in the modern Russian language. - M.: Nauka, 1957. - 87 p.
6. Malashchenko V.V. Artistic detail and semantics of the title of S. Dovlatov's

novella "Reserve" // Philological aspect. – Nizhny Novgorod, 2018. – No. 12. – pp. 201-210.

7. Sukhoi I. Sergey Dovlatov: time, place, fate. - St. Petersburg.; Moscow: Palmyra; 2017. - 280 p.

8. Toporov V. Dovlatov can offend anyone // City. - 2005. - No. 36. - pp. 162-168.

УДК/UDC 811

Анализ лексических средств выразительности в речи политических деятелей

Медведева Александра Викторовна
студент, кафедра иностранных языков и перевода
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова
г. Казань, Россия
e-mail: medvedevasa@bk.ru

Баранова Альфия Рафаиловна
доцент, кафедра иностранных языков и перевода,
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова
г. Казань, Россия
e-mail: baranova.alfiyarafailovna@mail.ru
SPIN-код: 9382-4955

Аннотация

Работа посвящена выявлению и анализу лексических средств в политическом дискурсе. Основой работы являются выступления политиков Бориса Джонсона и Лиз Трасс. В работе были задействованы такие методы как: анализ литературы по теме исследования и лексический анализ. Основное содержание работы составляет детальный анализ стилистических и лексических средств, а также анализ лексики, используемой политиками в своих выступлениях. В работе были обнаружены и рассмотрены такие лексические средства как: метафора, эпитет, сравнение, ирония, разновидность иронии - сарказм, гипербола, мейозис и олицетворение. Исследование выявило, что лексические средства, представленные в выступлениях политиков, дают эмоциональную окраску их речи и делают ее ярче и экспрессивнее.

Ключевые слова: стилистические средства, лексические средства выразительности, речь политиков.

Analysis of lexical means in political discourse

Medvedeva Aleksandra Viktorovna
student, Department of Foreign Languages and Translation
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Kazan, Russia
e-mail: medvedevasa@bk.ru

Baranova Alfiya Rafailovna
PhD, associate professor,
Department of Foreign Languages and Translation
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
Kazan, Russia
e-mail: baranova.alfiyarafailovna@mail.ru
SPIN-код: 9382-4955

Abstract

The article is devoted to the identification and analysis of lexical means in political discourse. The basis of the work is the speeches of politicians Boris Johnson and Liz Truss. The work involved such methods as: analysis of literature on the research topic and lexical analysis. The main content of the work is a detailed analysis of stylistic and lexical means, as well as an analysis of the vocabulary used by politicians in their speeches. In the article, such lexical means as: metaphor, epithet, comparison, irony, a kind of irony - sarcasm, hyperbole, meiosis and personification were discovered and considered. The study revealed that the lexical means presented in the speeches of politicians give an emotional coloring to their speech and make it brighter and more expressive.

Keywords: stylistic means, lexical expressive means, speech of politicians.

Стилистические средства – это главные помощники в повышении выразительности речи. В современном мире многие писатели обращаются к использованию выразительных средств, помимо писателей их используют экономисты, политики и обычные люди в своем разговоре или переписке, но не каждый человек способен увидеть или понять, что в том или ином месте были задействованы стилистические выразительные средства т.к. для этого требуются знания в определенной области.

Лексические средства выразительности – это языковые средства, подразумевающие определённое употребление слов для придания речи образности [1, стр. 14]. Образность речи создается благодаря употреблению слов в переносном значении. Слова и выражения, употребленные в переносном значении и создающие образные представления о предметах и явлениях, называются тропами. Тропы (от греч. «поворот») – это употребление слова или выражения не в обычном, общеупотребимом значении, а в переносном смысле. Другими словами троп – это использование слов в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи [2, стр. 18].

В них входят: метафоры, эпитеты, олицетворения, перифразы, сравнения, метонимии, синекдохи, литоты, гиперболы, аллегория, ирония.

Мы провели анализ лексических средств речи Бориса Джонсона на основе видео, в котором политик рассказывает о Брексит (выход Великобритании из состава ЕС), а также о работах с искусственным интеллектом. Также нами была проанализирована речь в выступлении Лиз Трасс, где она высказалась о ситуации в мире и на Украине.

Рассмотрим более подробно:

Метафора – это выражение, которое употребляется в переносном значении. Главная функция метафоры – сравнение какого-либо предмета или явления с другим, в основе которого лежит общий признак.

В речи Бориса Джонсона присутствует употребление метафоры: *smart cities will pull you late with sensors all joined together by the internet of* ***things bollards communing invisibly with lamp posts*** [3]. – *Умные города будут кишеть датчиками, все будет объединено в «интернет вещей»,* ***а оградительные тумбы будут невидимо общаться с фонарными столбами.***

Лиз Трасс также употребляет в своей речи метафору: *It means helping refugees, it means delivery of food, medicine, and other essentials, and it means* ***keeping the economy afloat.*** [4]. – *Это значит помогать беженцам, это значит доставлять еду, лекарства и другие предметы первой необходимости, это значит* ***поддерживать экономику на плаву.***

В выше представленных примерах прослеживается употребление метафор, которые делают речь политиков ярче и экспрессивнее.

Существуют и другие лексические средства выразительности:

Эпитет – это образная характеристика предмета или явления, которая подчеркивает выразительность данного предмета или явления.

В выступлении Бориса Джонсона был представлен пример употребления эпитета, который дает характеристику существительному: *a* ***giant dark*** *thunder cloud waiting to burst* [3]. – ***Гигантская темная*** *грозовая туча, ждущая своего часа, чтобы взорваться.*

Еще один пример употребления эпитета был представлен в речи Лиз Трасс: *Free trade and free markets are the most* ***powerful engine*** *of human progress* [4]. – *Свободная торговля и свободные рынки являются самым* ***мощным двигателем*** *человеческого прогресса.*

Данный пример употребления эпитета показывает, что автор делает акцент на слове «мощный» двигатель.

Сравнение – лексическое средство, в котором у двух каких-либо предметов находят что-то одинаковое или общее.

Необычное сравнение можно заметить в речи Бориса Джонсона, в своем

выступлении он сравнивает городскую среду с аптекой в Цюрихе: *The urban environment is* ***as antiseptic as Zurich pharmacy*** [3]. – *А городская среда станет такой же чистой****, как аптека в Цюрихе****.*

Ирония – речь, в которой скрывается насмешка или порицание. Ирония имеет разновидности, одна из которых сарказм. Сарказм – это язвительная насмешка.

«*Every day that we tap on our phones or work on our iPads****, as I see some of you are doing now****, we not only leave our indelible swirl in the either»* [3]. – *Каждый день, когда мы что-то строчим в своих телефонах или работаем на айпадах —* ***а я вижу, что кое-кто из вас занимается этим прямо сейчас*** *— мы не просто оставляем нестираемый след в эфире.*

«*I invite you next year to a Summit in London – wonderful city wide by the way* ***it is not raining 94% of the time»*** [3]. – *Я приглашаю вас в будущем году на саммит в Лондон, в этот замечательный город, где, между прочим,* ***дождь не идет 94% времени.***

В данных примерах речи Бориса Джонсона представлены ирония и сарказм. Это было использовано для того, чтобы показать слушателям, что на самом деле подразумевает автор.

Гипербола – лексическое средство выразительности, в котором представлено преувеличении свойств какого-либо предмета или явления.

В ниже представленном речи Бориса Джонсона показан пример употребления гиперболы в речи, который показывает, что данное лексическое средство выразительности основано на преувеличении свойств предмета: «***Your front door will sweep wide*** *the moment you approach, like some silent butler»* [3]. – ***Ваша входная дверь будет открываться настежь*** *при вашем приближении, как будто ее распахнул молчаливый лакей.*

Мейозис – прием, где происходит преуменьшение свойств какого-либо предмета или объекта.

Лиз Трасс в своей речи употребила мейозиз: *We would* ***never feel safe*** *again* [4]. – *Мы больше* ***никогда не будем чувствовать*** *себя в безопасности.*

В примере представлен мейозис, который представлен в виде двух

отрицаний.

Олицетворение — это литературный прием, где неодушевленному предмету приписывают качества, черты или способности живого существа. В данном примере Борис Джонсон использует стилистический прием олицетворения. «***Your matrass will monitor your nightmares****, your fridge will beep for more cheese»* [3]. – ***Ваш матрас будет следить за вашими ночными кошмарами****, ваш холодильник будет сигнализировать, что в нем мало сыра.*

Еще один пример олицетворения, представленный в речи Лиз трасс: *Families and* ***businesses were worried about how to pay their bills*** [4]. *– Семьи и* ***предприятия беспокоились о том, как платить счета.***

В данных примерах был использован лексический пример олицетворения, где неодушевленным предметам были приписаны свойства одушевленных.

Помимо вышеперечисленных лексических средств существует много других лексических средств, например, такие как: оксюморон, каламбур, зевгма и др.

Результаты анализа показывают, что в речи политиков довольно часто встречаются лексические выразительные средства. Данные лексические средства делают речь ярче и интереснее. Мы прослушали выступления Бориса Джонсона и Лиз Трасс, а также проанализировали их речь. В данных выступлениях были использованы такие лексические единицы, как олицетворение, метафора, гипербола, ирония, эпитет и так далее.

Список литературы

1. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций. – 2-е изд. – М.: – Ленанд, 2006. - 373 с.
2. Черкасова Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов // Вопросы языкознания. URL: https://vja.ruslang.ru/archive/1968-2.pdf (дата обращения: 11.10.2022).
3. Boris Johnson's speech on Brexit, AI robots and chicken at the UN. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XaN-MbGV4dY&t=843s (дата обращения: 11.10.2022).
4. Foreign Secretary Liz Truss: The return of geopolitics. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KJt3Al_D1r4 (дата обращения: 18.10.2022).

References

1. Moskvin B.P. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций (Expressive means of modern Russian speech: tropes and figures: parameters of general and particular classifications). - 2-oe izd. - M.: Lenand, 2006. - 373 c.3.

2. Cherkasova E.T. Опыт лингвистической интерпретации тропов // Вопросы языкознания (Experience of linguistic interpretation of tropes // Problems of Linguistics). URL: https://vja.ruslang.ru/archive/1968-2.pdf (Date of access : 11.10.2022).

3. Boris Johnson's speech on Brexit, AI robots and chicken at the UN. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XaN-MbGV4dY&t=843s (Date of access : 11.10.2022).

4. Foreign Secretary Liz Truss: The return of geopolitics. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KJt3Al_D1r4 (Date of access: 18.10.2022).

УДК/UDC 80.808.5 / 81’2 / 81.4.-81.42

Образ региона в сетевых средствах массовой информации (на примере Тамбовской области)

Меркушина Елена Анатольевна
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
г. Тамбов, Российская Федерация
E-mail: len.merk2005@yandex.ru
SPIN-код: 5068-9813

Аннотация

Статья посвящена анализу контента региональных сетевых средств массовой информации. В региональном информационном пространстве сетевые СМИ сегодня являются актуальным и доступным каналом массовой коммуникации для аудитории, которая должна участвовать в развитии собственного города, региона, при решении общественно-значимых проблем. В статье рассматриваются, какие сетевые медиа занимают первые позиции по количеству пользователей; какие основные разделы в настоящее время являются преимущественными, а какие практически не употребляются в контенте региональных интернет-медиа и как это влияет на формирование образа региона; какие темы преимущественно составляются ежедневную повестку дня сетевых средств массовой информации. На примере новостных статей за один день проанализированы преимущественные, повторяющиеся в разных сетевых СМИ ситуации, темы, проблемы. Сделаны выводы о презентации сетевыми СМИ образа региона.

Ключевые слова: сетевые средства массовой информации, регион, контент, имидж, имидж территории

The image of the region in the Internet media (on the example of the Tambov region)

Merkushina Elena Anatolievna
PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Journalism,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Tambov, Russian Federation
E-mail: len.merk2005@yandex.ru
SPIN: 5068-9813

Abstract

The article is devoted to the analysis of the content of regional Internet media. In the regional information space, Internet media today are a relevant and accessible channel of mass communication for an audience that should participate in the development of their own city, region, and in solving socially significant problems. The article discusses which Internet media occupy the first positions in terms of the number of visitors; what main headings are currently leading, which are practically absent in the content of regional Internet media and how this affects the formation of the image of the region; what topics are predominantly on the daily agenda of Internet media. On the example of news articles in one day, the predominant situations, topics, problems that are repeated in different Internet media are analyzed. Conclusions are drawn about the presentation of the Internet media image of the region.

Key words: Internet media, region, content, image, image of the territory.

Существуют определенные экономические и социокультурные критерии, которые позволяют специалистам оценить развитие города, региона. Для жителей региона источником такой информации становится собственный опыт, межличностная коммуникация, массовая информация.

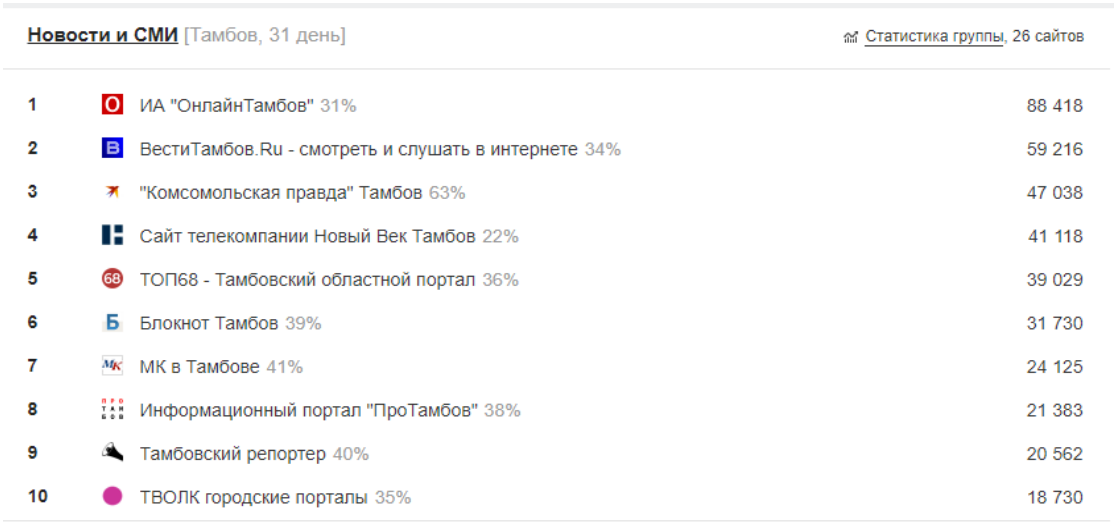
В сфере массовой информации население, как правило, опирается на два противопоставленных друг другу источника: слухи и профессиональная журналистская информация. В настоящее время одним из основных источников массовой информации стали сетевые средства массовой информации, о чем говорят и сами региональные исследователи медиасистемы [1, 2]. Региональные сетевые СМИ позволяют составить представление о регионе по публикациям о социально-экономическом развитии, политике, а также по криминальным новостям и происшествиям.

С помощью региональных медиа создается зачастую неосознанно создается внутренний и внешних имидж. «Имидж города – это образ города, который формируется в сознании людей, влияя на будущее его развития. Материальная ценность образа города подтверждается тем, что крупнейшие мировые СМИ публикуют рейтинги самых успешные города мира» [3]. К региону также применимо понятие «территориальный имидж» – «набор убеждений и ощущений, которые возникают у людей по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории» [4]. Образ, имидж, репутация, территориальный бренд [5, 6, 7] – все эти понятия по большому счету отражают один и тот же объект – саму территорию, только используют для этого разные стратегии и формы презентации конечного образа. Мы в нашем исследовании опираемся на то, что для региональных сетевых СМИ важно получение прибыли от рекламной деятельности, соответственно, основной целью публикации контента становится привлечение пользователей на сайт [8], в то время, как фиксация определенного образа региона и тем более манипулирование им становится задачей PR-структур госструктур и бизнеса, контакт которых сейчас с сетевыми медиа нарушен.

Интернет сделал материалы сетевых СМИ потенциально доступным неограниченному числу людей, в том числе – из других регионов, что может повлиять на инвестиционную, трудовую, туристическую привлекательность, особенно в свете развития такого тренда как всевозможные «медиарейтинги».

Объектом исследования стали сетевые средства массовой информации Тамбовского региона, находящиеся на первых позициях на сайте LiveInternet, собравшем счетчик статистики, в категории «Новости и СМИ» - Тамбов за 31 день (Рисунок 1).

Рисунок 1. Рейтинг посещаемости сайтов (источник: https://www.liveinternet.ru/rating/ru/#period=month;geo=ru/475;group=media; дата обращения: 18.11.2022)



В исследование вошли первые пять сайтов, которые отличаются друг от друга по типу представляемой информации, информационной политике, типу учредителя.

ИА «ОнлайнТамбов.ру» (https://www.onlinetambov.ru/) – информационное агентство, представляющее актуальную информацию о событиях Тамбова и Тамбовской области, учредитель – ООО «Инфо-Ю» (рекламное агентство).

ВестиТамбов.Ru (https://www.onlinetambov.ru/) – сайт – сетевое издание, региональный филиал ФГУП «ВГТРК».

«Комсомольская правда» Тамбов (https://www.tambov.kp.ru/) – сетевое издание, учредитель и редакция - АО ИД «Комсомольская правда» (региональная вкладка).

Сайт телекомпании Новый Век Тамбов (https://tvtambov.ru/) - СМИ Агентство социальной информации «Новый век», учредитель АНО «Агентство социальной информации «Новый век», публикует материалы регионального телеканала «Новый век».

РИА «Топ68» - учредитель ООО «Издательский дом «Тамбов»; на площадке публикуются новости и материалы 27 районных и городских изданий.

Набор актуальных тем связан с основными разделами, по которым распределены новости на сайте. Мы выбрали основные тематические разделы (не по форматам, например, «Фото», «Видео», «Репортажи» т.п., где новости из других разделов могут дублироваться). Основные разделы рассматриваемых сайтов представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Основные разделы сайтов – сетевых СМИ

ИА «ОнлайнТамбов.ру»	ВестиТамбов.Ru	«Комсомольская правда» Тамбов	Новый Век Тамбов	РИА «Топ68»
Общество Происшествия Культура ЖКХ Экономика Спорт	Политика Общество Здоровье Образование Культура Спорт Экономика Жилкомхоз Природа Право Безопасность Криминал Происшествия	Общество Происшествия Спорт	Власть Общество ЖКХ Транспорт Экономика и бизнес Образование и наука Мероприятия-Даты Криминал Происшествия Спорт Религия Здоровье Мир вокруг ТДП и аварии Новости партнеров	Экология Технологии Новости компаний Мнение эксперта Новости Общество Происшествие Культура Спорт Экономика Политика ЖКХ АПК Образование Здравоохранение

Итак, основные темы можно разделить на насколько уровней по наличию тем на большинстве сайтов. К первому уровню мы отнесли: общество, происшествия (и аналогичные, как «Криминал», «ДТП»), культура, ЖКХ, экономика, спорт. Ко второму уровню – политика, здоровье, образование. Остальные темы мы относим к третьем уровню, поскольку они присутствуют в отдельных сетевых медиа и по ним сложно провести системных контент-анализ.

Наш анализ повестки дня региональных сетевых средств массовой информации мы условно назвали «Один день из жизни региона». Представленные в обобщенные данные позволяют увидеть типичную палитру событий, информационных поводов, к которым обращаются местные интернет-медиа в целях регулярного обновления контента. Для этого нами были проанализированы новости по темам первого уровня: общество, происшествия, культура, ЖКХ, экономика, спорт за 17 ноября 2022 года.

В результате анализа было выявлено, что обновление новостей происходит нерегулярно во всех разделах. Так, распределение по количеству новостей (всего в день) представлено в Таблице 2.

Таблица 2. Количество новостей по темам за 17.11.2022 г.

Сетевое медиа/тема	Общество	Происшествия	Культура	ЖКХ	Экономика	Спорт
ИА «ОнлайнТамбов.ру»	19	13	2	3	3	3
ВестиТамбов.Ru	14	6	2	2	2	2
«Комсомольская правда» Тамбов	10	9	-	-	-	2
Новый Век Тамбов	2	2	1	2	-	-
РИА «Топ68»	7	4	2	1	1	-

Данная таблица показывает, что количество новостей по различным темам неравномерно, «лидеры» по количеству новостей темы «общество» и «происшествия», что связано с доступностью материалов для данных публикаций. В категорию «общество» попадают все события, так или иначе связанные с жизнью социума, во вторую – информация от пресс-служб органов правопорядка. Новости ЖКХ, как правило, связаны с реальными ситуациями в коммунальной сфере, поэтому количество новостей и само их наличие напрямую связано с текущей ситуацией. Новости культуры и спорта также приручены к соответствующим событиям и мероприятиям. Однако при анализе большего массива новостей, можно утверждать, что спортивные новости появляются в региональных сетевых медиа чаще, чем новости культуры. В целом, для таких новостей характерна нерегулярность появления в ленте, что мы связываем с несколькими причинами: отсутствие ресурсов (сотрудников, готовых постоянно

работать с поиском информации по данной теме и времени на создание таких материалов) и короткий срок актуальности новости. Современный пользователь – потребитель, а информация – товар: даже то, что сегодня было в ТОПе новостей на сайте регионального сетевого СМИ, завтра может совершенно не интересовать пользователей. Поэтому затраты ресурсов, которые мы обозначили как первую причину, являются необоснованными. Кроме того, отмечается определенная конкуренция на уровне аудитории с социальными сетями, однако, в плане достоверности и полноты контента городские и районные паблики все равно уступают сетевым медиа [9].

А вот мнение о том, что местные новости культуры, спорта, бытовые вопросы кажутся аудитории неинтересными, на наш взгляд скорее является формальным поводом, чем реальной причиной нерегулярного обновления этих разделов. Ведь тема «экономика» должна быть популярной, социально значимой, однако и новости местной экономики появляются не часто. Еще реже из социально значимых тем публикуются только новости политики, которые не вошли в наше исследование, так как специальный раздел присутствует не на всех сайтах СМИ, что связано с внутренней политикой сетевого издания.

На основании анализа содержания текстов новостей сетевых СМИ Тамбовского региона, можно выделить следующие темы, которые формируют информационную картину дня и соответственно, образ города:

1. «Общество»:

- В г. Рассказово стартовал Всероссийский конкурса на лучшую снежную скульптуру (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru);

- В Тамбове снег, дождь гололедица (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, «Комсомольская правда» Тамбов);

- В Тамбове обследованы объекты культурного наследия на предмет защищенности от незаконного проникновения (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru);

- В Тамбовской области увеличилось производство мяса (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, «Комсомольская правда» Тамбов, РИА «Топ68»);

- Глава Тамбова ответил на вопросы о присоединении сельских поселений к городскому округу (ВестиТамбов.Ru, РИА «Топ68»);

- В Тамбовской области вернули домой ошибочно мобилизованного многодетного отца **(**ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru);

2. «Происшествия»:

- В Тамбове загорелась строящаяся многоэтажка (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, «Комсомольская правда» Тамбов, РИА «Топ68»);

- В Тамбовской области произошло массовое ДТП со смертельными случаями (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, «Комсомольская правда» Тамбов);

- Бывший сотрудник колонии осужден за передачу заключенным мобильных телефонов (ИА «ОнлайнТамбов.ру», «Комсомольская правда» Тамбов);

- Осудили торговца контрафактным алкоголем (ИА «ОнлайнТамбов.ру», «Комсомольская правда» Тамбов);

- В Тамбовской области браконьер застрелил четырех косуль (ИА «ОнлайнТамбов.ру», «Комсомольская правда» Тамбов, Новый Век Тамбов);

- Нетрезвый мужчина проломил голову приятелю (ИА «ОнлайнТамбов.ру», «Комсомольская правда» Тамбов);

- Обнаружены фальшивые пятитысячные купюры (ИА «ОнлайнТамбов.ру», «Комсомольская правда» Тамбов);

- В Тамбовской области 8-летний школьник перебегал дорогу и попал под машину (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, «Комсомольская правда» Тамбов, РИА «Топ68»);

- В Тамбовской области мужчина получил срок за угрозу убийства (ИА «ОнлайнТамбов.ру», «Комсомольская правда» Тамбов);

- В Тамбовской области из-за погодных условий увеличилось количество ДТП, есть пострадавшие (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, «Комсомольская правда» Тамбов, РИА «Топ68»);

- В Тамбове бездомные собаки покусали мальчика (ВестиТамбов.Ru, РИА «Топ68»);

3. «Культура»:

- Жительница Тамбовской области получила медаль «За заслуги перед Отечеством» II степени (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, РИА «Топ68»);

4. «ЖКХ»:

- В многоэтажках Тамбова меняют лифты (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, «Комсомольская правда» Тамбов, Новый Век Тамбов);

- На нескольких улицах города произойдет отключение света (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru, «Комсомольская правда» Тамбов);

- В Тамбовской области повышают тарифы ЖКХ (ИА «ОнлайнТамбов.ру», Новый Век Тамбов, РИА «Топ68»);

5. «Экономика»:

- Тамбовские предприятия перепрофилируют производство под нужды СВО (ИА «ОнлайнТамбов.ру», РИА «Топ68»);

6. «Спорт»:

- Спортсменка из Тамбовской области стала второй в классическом троеборье на международных соревнованиях (ИА «ОнлайнТамбов.ру», ВестиТамбов.Ru).

Из представленных тем очевидно, что больше всего тиражируются новости о происшествиях в городе и области. Основным содержанием большинства сетевых средств массовой информации (кроме РИА «Топ68», которое специализируется на локальных новостях и имеет вкладки с новостями каждого района), которое касается жизни в отдельных районах области, является как раз информация о различных происшествиях: от ДТП до убийств и редких случаев мошенничества и коррупции в сфере органов власти и местного самоуправления.

В целом, можно отметить, что коннотация большей части новостей носит неоднозначный характер, который может расценивать как позитивный и как негативный. Отличается и подача новостей, акцент на той или иной составляющей факта. Особенно это заметно на примере новости о повышении тарифов ЖКХ, а также стоимости проезда в общественном транспорте.

«Качество услуг в Тамбовской области рассчитывают повысить за счет изменения тарифов на ЖКХ.

При этом в Минэкономразвития России сообщили, что в следующие полтора года индексации тарифов не будет» [10].

«С 1 декабря повысятся тарифы на жилищно-коммунальные услуги. После повышения тарифы будут заморожены более чем на 1,5 года» [11].

В первом примере пользователям сразу пытаются объяснить преимущества новых тарифов и дополнительно подкрепляют заявлением компетентного органа некоторой возможной («сообщили» - не «обещали») будущей стабильности. Во втором случае – констатируется нерадостный для жителей факт, и следующее предложение тоже звучит как факт: *«тарифы будут заморожены»*.

Еще один пример – *«С 1 декабря в Тамбове изменится стоимость проезда в городском транспорте. Текущий тариф на пассажирские перевозки в городских автобусах и троллейбусах был установлен в августе 2019 года и не менялся 4 года»* [12].

Новость в таком содержании так или иначе появлялась в других средствах массовой информации, Telegram-каналах, социальных сетях. Однако, никто не обратил внимание на небольшую, но на наш взгляд достаточно красноречивую ошибку: прошлый тариф «*установлен в августе 2019 года и не менялся 4 года*», хотя с 1 августа 2019 по 1 декабря 2022 года прошло 3 года и 4 месяца, которые составляют меньше половины года, а значит округление здесь выглядит неуместным.

Итак, мы рассмотрели информационную повестку в региональных сетевых средствах массовой информации, исходя из чего можно выделить составляющие образы региона:

- большое количество разного рода происшествий по территории всей области, что говорит об опасности;

- практически полное отсутствие локальных новостей – кроме города жизнь нигде не развивается;

- в самом городе также практически не освещается положительная динамика решения актуальных проблем (типичные: дороги, уличное освещение, состояние и работа транспорта, жилищное строительство и капитальный ремонт и т.д.);

- отсутствие регулярных новостей культуры, спорта, хоть и «провинциальных, местечковых» также создает негативный образ, кроме того, снижает туристический и культурно-образовательный потенциал;

- отсутствие важнейших социально значимых новостей: экономики и политики. Создается ощущение экономического упадка региона, население не владеет информацией о реальном развитии (или регрессе) экономики, состоянии рынка труда. Отсутствие регулярного налаженного диалога СМИ с властью в момент принятия и обсуждения решений (новость об общественных слушания по поводу присоединения территорий к городу и работа главы города с населением в качестве темы публикации скорее исключение, чем правило) лишает людей важной социально значимой информации, способствует снижению гражданской активности, гражданской ответственности. Региональные сетевые СМИ перестают быть посредником между органами государственной власти и местного самоуправления и населением.

Все перечисленное в совокупности создает впечатление отсутствия развития региона, даже регресса. На фоне большого объема негативный новостей и новостей информационно-развлекательного характера, не несущего реальной социальной значимости, усиливается ощущение собственной «провинциальности», «невостребованности» региона даже для его жителей.

Список литературы

1. Видная О.Е. Медиакарта Тамбовской области: типологический срез // Проблемы массовой коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью. Под общей редакцией В.В. Тулупова. 2020. С. 12-14.
2. Меркушина Е.А. Сетевые СМИ в информационном пространстве региона: контент, коммуникация, архитектоника // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 417-420.
3. Люлько А.Н. Имидж России: город, регион, страна [Электронный ресурс]. URL: http://prioritet-pr.ru/pdf/2011/Lyulko_A.N._Kontceptualnye_aspekty_formirovaniya_imidzha_goroda.pdf (дата обращения: 14.11.2022).
4. Важенина И.С. Имидж ка конкурентный ресурс региона // Регион: экономика и социология. 2006. №4. С.72-84.
5. Борисова Ю.В. Образ города как стратегия развития (на примере Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 81-92.

6. Сафиуллин М.Р., Павлова Х.А. О методах измерения влияния репутации на социально-экономическое развитие территории // Казанский экономический вестник. 2021. № 5 (55). С. 27-34.
7. Хайруллина Ю.Р., Соныгина А.Р. Образ и имидж города: сущность, структура и соотношение понятий // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2016. № 11. С. 172-180.
8. Шаповалова Е.В. Маркетинговые и журналистские способы привлечения аудитории к сайтам СМИ // Медиасреда. 2020 с. 104-108.
9. Роль и место районных СМИ стоит уточнить. Об этом сообщает «Рамблер» [Электронный ресурс] // Аргументы недели. URL: https://news.rambler.ru/internet/45179758/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 27.10.2022).
10. Качество услуг в Тамбовской области рассчитывают повысить за счет изменения тарифов на ЖКХ [Электронный ресурс] // Новый век - Тамбов. URL: https://tvtambov.ru/news/kachestvo-uslug-v-tambovskoj-oblasti-rasschityvayut-povysit-za-schet-izmeneniya-tarifov-na-zhkh/2022/11/17/ (дата обращения: 18.11.2022).
11. С 1 декабря повысятся тарифы на жилищно-коммунальные услуги [Электронный ресурс] // РИА «ТОП68» URL: https://top68.ru/news/jkh/2022-11-17/s-1-dekabrya-povysyatsya-tarify-na-zhilischno-kommunalnye-uslugi-143352 (дата обращения: 18.11.2022).
12. С 1 декабря в Тамбове изменится стоимость проезда в городском транспорте [Электронный ресурс] // Новый век - Тамбов. URL: https://tvtambov.ru/news/s-1-dekabrya-izmenitsya-stoimost-proezda-v-gorodskom-transporte/2022/11/17/ (дата обращения: 18.11.2022).

References:

1. Vidnaya O.E. Media map of the Tambov region: typological cross-section // Problems of mass communication. Materials of the international scientific-practical conference of researchers and teachers of journalism, advertising and public relations. Under the general editorship of V.V. Tulupova. 2020. Pp. 12-14.
2. Merkushina E.A. Network media in the information space of the region: content, communication, architectonics // World of science, culture, education. 2021. No. 4 (89). Pp. 417-420.
3. Lyulko A.N. Image of Russia: city, region, country [Electronic resource]. URL: http://prioritet-pr.ru/pdf/2011/Lyulko_A.N._Kontceptualnye_aspekty_formirovaniya_imidzha_goroda.pdf (access date: November 14, 2022).
4. Vazhenina I.S. Image as a competitive resource of the region // Region: Economics and Sociology. 2006. No. 4. Pp.72-84.
5. Borisova Yu.V. The image of the city as a development strategy (on the example of Irkutsk) // Urbanistics. 2017. No. 3. pp. 81-92.
6. Safiullin M.R., Pavlova Kh.A. On methods of measuring the impact of reputation on the socio-economic development of the territory // Kazan Economic Bulletin. 2021. No. 5 (55). pp. 27-34.
7. Khairullina Yu.R., Sonygina A.R. Image and image of the city: essence, structure and correlation of concepts // Scientific works of the Center for Advanced Economic Research. 2016. No. 11. P. 172-180.
8. Shapovalova E.V. Marketing and journalistic ways to attract an audience to media sites // Media environment. 2020. P. 104-108.
9. The role and place of the regional media should be clarified. It is reported by "Rambler" [Electronic resource] // Arguments of the week. URL: https://news.rambler.ru/internet/45179758/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (access date: October 27, 2022).
10. The quality of services in the Tambov region is expected to be improved by changing the tariffs for housing and communal services [Electronic resource] // Novy Vek - Tambov. URL: https://tvtambov.ru/news/kachestvo-uslug-v-tambovskoj-oblasti-rasschityvayut-povysit-za-schet-izmeneniya-tarifov-na-zhkh/2022/11/17/ (access date: November 18, 2022).

11. Tariffs for housing and communal services will increase from December 1 [Electronic resource] // RIA "TOP68" URL: https://top68.ru/news/jkh/2022-11-17/s-1-dekabrya-povysyatsya-tarify-na-zhilischno-kommunalnye-uslugi-143352 (access date: November 18, 2022).

12. From December 1, the cost of travel in public transport will change in Tambov [Electronic resource] // Novy Vek - Tambov. URL: https://tvtambov.ru/news/s-1-dekabrya-izmenitsya-stoimost-proezda-v-gorodskom-transporte/2022/11/17/ (access date: November 18, 2022).

УДК/UDC 81’1:37.091.33

Коммуникативный подход и коммуникативная компетенция в обучении иностранному языку

Перевышко Алина Ивановна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (БГУИР)
Минск, Беларусь
E-mail: snezhkoa@mail.ru
SPIN-код: 6548-2393, AuthorID: 1172122

Аннотация

Данная статья посвещена применению коммуникативного подхода в обучении иностранному языку. Упоминаются основные причины появления данного направления в зарубежной лингвистике. Рассматриваются цели и принципы коммуникативного подхода, используемые в процессе преподавания для повышения его эффективности. Особое внимание уделяется коммуникативной компетенции как важной составляющей данного подхода в обучении для достижения максимальной результативности на практических занятиях и развития способностей учащихся применять языковые навыки в реальных ситуациях. Проводится сравнительный анализ понятий «коммуникативная компетенция» и «лингвистическая компетенция» Отмечаются основные факторы, влияющие на овладение коммуникативной компетенцией в процессе обучения. Подчеркивается значимость сочетания в процессе преподавания обучения общению и использования видов деятельности, которые ориентированы на форму для поэтапного усвоения иностранного языка.

Ключевые слова: язык, контекст, лингвистика, коммуникативный подход, коммуникативная компетенция, лингвистическая компетенция, коммуникативная ситуация, обучение, взаимодействие.

Communicative approach and communicative competence in foreign language teaching

Perevyshko Alina Ivanovna
Senior lecturer of the Department of Foreign Languages
The Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (BSUIR)
Minsk, Belarus
E-mail: snezhkoa@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the application of a communicative approach in foreign language teaching. The main reasons for the appearance of this direction in foreign linguistics are mentioned. The goals and principles of the communicative approach used in the teaching process to improve its effectiveness are considered. Particular attention is paid to communicative competence as an important component of this approach for teaching in order to achieve maximum effectiveness in practical classes and develop the ability of students to apply language skills in real situations. A comparative analysis of the concepts of "communicative competence" and "linguistic competence" is carried out. The main factors influenced the mastering communicative competence in foreign language teaching are noted. The importance of the combination in teaching process of communication learning and the use of activities that are form-oriented for the gradual acquisition of a foreign language is emphasized.

Key words: language, context, linguistics, communicative approach, communicative competence, linguistic competence, communicative situation, teaching, interaction.

Коммуникативный подход в обучении языку как новое направление в лингвистике появился благодаря изменениям в британской традиции

преподавания языка, произошедших в конце 1960-х годов. Ранее язык изучался путем отработки базовой структуры на примере различных ситуаций. Но британские лингвисты начали подвергать сомнению прежние теоретические предположения, лежащие в основе данного подхода в обучении языку. В результате в лингвистике появились два новых направления [1].

Коммуникативный подход рассматривает изучение теории языка как средства коммуникации. Основной целью преподавания является развитие коммуникативной компетенции. Другим лингвистическим направлением является функциональный подход, связанный с описанием речевых актов текстов, поскольку только через изучение используемого языка в центре внимания оказываются все функции языка и, следовательно, все его компоненты.

Лингвисты знают о взаимосвязи между языком и обществом. Но им не удалось описать такие отношения. Фонология, лексика и синтаксис, которые являются объектами лингвистического описания, составляют лишь часть элементов в коде, используемом для коммуникации. Значение высказывания не зависит полностью от его формы; многое зависит от того, кто что говорит, кому, где, почему, каким образом и с каким эффектом. Другими словами, контекст ситуации, в которой произносится высказывание, очень важен.

Следует отметить, что грамматических знаний недостаточно, чтобы помочь нам эффективно участвовать в коммуникативной ситуации. В дополнение к изучению форм языка, для правильного общения человек должен учитывать следующие факторы:

1) социокультурные связи: ценности, условности, предрассудки и предпочтения людей, использующих данный язык;

2) характер участников: отношения между говорящим и слушателем, их род занятий, интересы, социально-экономический статус и т.д.;

3) отношения участников между собой: отец - сын, учитель - ученик, начальник - подчиненный, врач - пациент и т.д.;

4) характер и функция речи: разговор лицом к лицу, убеждение, конфронтация, непринужденная беседа, просьба в неформальной ситуации, телефонный разговор и т.д.;

5) способ общения: устный или письменный, или чтение по письменному сценарию, или неподготовленная речь [2].

Коммуникативная компетенция, действительно, включает в себя всю лингвистическую компетенцию плюс весь аморфный (неопределенной формы) диапазон фактов, включенных в социально-лингвистическую прагматическую компетенцию (правила и соглашения для использования языковых элементов в контексте и другие факторы, такие как установки, ценности и мотивация).

Некоторые лингвисты считают, что лингвистическую компетенцию можно отделить от остальной коммуникативной компетенции и изучать изолированно, но существует и другая точка зрения о том, что понятие лингвистической компетенции нереально и что никакой значительный прогресс в лингвистике невозможен без изучения форм наряду со способами, которыми они используются. Компетенция зависит от следующих основных факторов:

1) возможно ли (и в какой степени) что-либо;

2) является ли (и в какой степени) что-либо видимым (в отношении доступных средств);

3) адекватность по отношению к контексту;

4) выполняется ли (и в какой степени) что-либо, и что влечет за собой это действие [2].

Все это показывает, что лингвистическая компетенция в значительной степени является частью коммуникативной компетенции.

Концепция коммуникативной компетенции привела к изменению подхода, метода и техники в языковой педагогике. Было проведено различие между грамматическими правилами, которые позволяют пользователям составлять правильные предложения, и правилами использования языков для достижения какой-либо коммуникативной цели.

Коммуникативное обучение языку - это подход к преподаванию языка, который подчеркивает взаимодействие и коммуникативную компетентность в качестве основной цели обучения. Коммуникативный подход очень важен для успешного изучения языка, поскольку помогает студенту осваивать ценные коммуникативные навыки, которые помогут ему преобретать в дальнейшем

словарный запас самостоятельно [3].

Коммуникативный подход не должен ограничиваться только вербальным общением в реальной жизни. Это подход к изучению языка в целом. Например, на своих практических занятиях со студентам мы применяем разнообразные ролевые игры, карточки с заданиями и материалом для парной работы, поскольку они позволяют сделать занятие более увлекательным, а процесс усвоения материала более эффективным.

Преподаватели нашей кафедры уделяют большое внимание разработке тестов и упражнений в системе Moodle (модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда) для повышения качества обучения, направленного на взаимодействие преподавателя и студента, а также для осуществления контроля самого процесса. Также весьма важным, на наш взгляд, является изучение на занятиях “аутентичных текстов” – текстов, написанных на изучаемом языке с целью, отличной от изучения самого языка.

Применение коммуникативного подхода в обучении иностранному языку повлияло и на структуру наших учебных планов, которые сейчас включают в себя важные в функциональном плане элементы:

1) реальные ситуации, в которых студенты учатся использовать язык (путешествие, бизнес и т.д.);

2) список тем, о которых им нужно уметь говорить (образование, проблемы молодежи, выбор профессии, поиск работы);

3) ряд функций, для выполнения которых студентам необходим язык (описания чего-либо, запроса информации);

4) лексику;

5) грамматику.

Многие считают, что посредством разговора коммуникативный подход позволяет обучать языку без изучения грамматики. Однако, поскольку грамматика является важной составляющей языка, необходимо уделять этому аспекту не менее пристальное внимание, поскольку общение само по себе не является основным элементом в обучении языку.

Всякий раз, когда учащиеся приступают к изучению языка, они изучают

грамматику либо дедуктивно, либо индуктивно. Но изучение грамматики индуктивно (например, через контекст) не означает, что они ее вообще не учат. На самом деле, чем более индуктивным является обучение, тем больше студентам приходится прибегать к своим аналитическим способностям.

Следует отметить, что существует разница между изучением языка и практикой его использования. Вот почему на практических занятиях важно сочетать общение с обучением языку и видам деятельности, которые ориентированы на форму, чтобы обеспечить поэтапное эффективное усвоение иностранного языка студентами.

Список литературы

1. Communicative Language Teaching (CLT) and the Post-Method Era [Electronic resource]. Режим доступа: https://teachingenglish4all.wordpress.com/2011/04/22/communicative-language-teaching-clt-and-the-post-method-era/. – Дата доступа: 15.11.2022.
2. Linguistic Competence and Communicative Competence [Electronic resource]. Режим доступа: https://purwarno-linguistics.blogspot.com/2005/12/linguistic-competence-and.html. – Дата доступа: 15.11.2022.
3. What Is Communicative English? [Electronic resource]. Режим доступа: https://ltc-english.com/what-is-communicative-english/. – Дата доступа: 20.11.2022.

References

1. Communicative Language Teaching (CLT) and the Post-Method Era [Electronic resource]. – Mode of access: https://teachingenglish4all.wordpress.com/2011/04/22/communicative-language-teaching-clt-and-the-post-method-era/. – Date of access: 15.11.2022.
2. Linguistic Competence and Communicative Competence [Electronic resource]. Mode of access: https://purwarno-linguistics.blogspot.com/2005/12/linguistic-competence-and.html. – Date of access: 15.11.2022.
3. What Is Communicative English? [Electronic resource]. Mode of access: https://ltc-english.com/what-is-communicative-english/. – Date of access: 20.11.2022.

УДК/UDC 81

Картина мира как этноментальный конструкт

Сапиева Саида Казбековна
кандидат филологических наук
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп, Россия
e-mail: atika16@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3757-3673.

Аннотация

Целью данной статью является определение термина «картина мира» и анализ типологии картин мира в современной лингвистике. В настоящее время предлагается множество трактовок к определению данного термина, вызванного его сложностью и многоаспектностью изучения. В ходе исследования обосновывается этническая составляющая картины мира и дается ее определение как целостного отображения реальности в сознании человека, которое, преломляясь через призму его внутреннего мира и заложенных в нем элементов этнического кода народа, к которому он принадлежит, материализуется в форме языка. Делается вывод о полифункциональности картины мира, подразумевающей под собой, с одной стороны, изображение действительности в безотрывном союзе с этноментальной деятельностью; с другой, в объективном представлении о мире, включающем не только объективные признаки, но и субъективные.

Ключевые слова: картина мира, язык, сознание, этнос, этническая картина мира.

The picture of the world as an ethnomental construct

Sapieva Saida Kazbekovna
Candidate of Philological Sciences
Adygea State University
Maykop, Russia,
e-mail: atika16@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3757-3673.

Abstract

The purpose of this article is to define the term "world picture" and analyze the typology of world pictures in modern linguistics. Currently, many interpretations are proposed for the definition of this term, caused by its complexity and multidimensional study. In the course of the research, the ethnic component of the worldview is substantiated and its definition is given as a holistic representation of reality in a person's consciousness, which, refracted through the prism of his inner world and the elements of the ethnic code of the people to which he belongs, materializes in the form of language. The conclusion is made about the polyfunctionality of the picture of the world, implying, on the one hand, the image of reality in an inseparable union with ethnomental activity; on the other, in an objective view of the world, including not only objective features, but also the subject features

Keywords: worldview, language, consciousness, ethnicity, ethnic worldview.

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о нем, формируется модель мира, которая в философско-

лингвистической литературе получила название *картина мира*. Термин *картина мира* относится к числу универсальных понятий, активно употребляющихся во многих сферах науки: физике, лингвистике, философии, психологии, культурологии, и т.д. Среди лингвистов, которые занимались этой проблемой, выделяются такие имена, как В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Г. Шухардт, Л. Вайсгербер, А.А. Потебня, Г.А. Брутян, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников и др.

Исследование картины мира в языке возводят к учению В. Гумбольдта. Ещё в начале XIX века он высказал мысль о том, что народный дух и его язык неразрывно связаны друг с другом, и особенности духа народа, под которым он понимал совокупность духовных и интеллектуальных ценностей, определяют особенности языка, но в то же время и язык влияет на формирование духа народа [1, с. 105].

В настоящее время существует множество определений термина «картина мира». По мнению Н. А. Красавского, картина мира представляет собой определенную иерархически выстроенную «систему ценностей, состоящую из представлений, понятий, концептов, вобравших в себя в знаковых (в том числе и вербальных) формах впечатления, ощущения, знания, весь чувственный и рациональный опыт освоения человеком мира» [2, с. 298-299]. Ученый считает, что картина мира это не только слепок материального мира, но и *мыслительный конструкт* человеческого сознания, и ее обязательное условие существования и социального функционирования; это «ее ословление», которое подразумевает под собой семиотичность, знаковую оформленность и вербальность.

Человеческое сознание, вбирая в себя все многообразие объективного мира, образует не менее сложную, многообразную и изменчивую систему образов. «Мысль и движется по готовым шаблонам, и прокладывает новые пути, ломая устаревшие нормы. Она обладает чудесной способностью новаторства, творчества» [3, с. 351]. Так и картина мира, не бывает всегда стабильной, чаще всего она динамична, субъективна, своевременна, актуальна, недоступна полному восприятию и воспроизведению.

Картина мира являет собой идеальное, концептуальное образование,

имеющее двойственную природу: *необъективированное* – как элемент сознания, воли или жизнедеятельности, и *объективированное* – в виде различных следов сознания, воли или жизнедеятельности, в частности – в виде знаковых образований, текстов (в том числе – как искусство, архитектура, социальные структуры, язык) [Постовалова 1987: 66].

В.Г. Колшанский полагает, что картина мира, отображенная в сознании человека, есть «вторичное существование объективного мира», которое создает предпосылку для соотнесения объективной реальности, которая не зависит от человеческого сознания, и идеальной картины мира как продукта этого сознания [4, с. 15-16]. То есть, в его понимании вторичный мир, несмотря на его качественное своеобразие и человечность, не может быть признан созданием самого сознания, он должен рассматриваться как истинное отражение существующего независимо от субъекта (человека) материального мира. Ученый также отмечает, что картина мира может быть закреплена и реализована только «своеобразной материальной формой», коей является язык, который выполняет функцию «объективации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной монады мира» [5, с. 15].

З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют картину мира как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном сознании». Они различают *«непосредственную* картину мира», представляющую собой «результат отражения мира органами чувств и мышлением человека», а также познание и изучение мира общественным или индивидуальным сознанием, и «*опосредованную*» картину мира как «результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира» [6, с. 36-37].

Выделяя этнокультурную обусловленность картины мира З.Х. Бижева в общем понимает ее как «*этническое* видение мира», «*национальный* образ мира», который складывается в контексте определенного этноязыкового сознания. При этом лингвист подчеркивает двойственность природы этого понятия: «каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации

(концептуализации мира). При этом способ концептуализации действительности, свойственный данному языку отчасти универсален, отчасти этнически специфичен. Поэтому носители разных языков, воспринимая мир сквозь призму своих языков, могут видеть его не совсем одинаково» [7, с. 3]. Исходя из этого, правомерно говорить о таком понятии, как *этническая картина мира*, которая представляет собой значимую часть этнокультурной традиции, этнического мировидения.

В отличие от языковой картины мира, которая сразу реагирует на изменения, происходящие в социуме, этническая картина мира носит стабильный и статичный характер. Устойчивый характер этнической картины мира обусловлен интерпретацией этноязыкового сообщества предметов реальной действительности через призму этнического мировидения, заданного духовной и материальной культурой народа, его традициями, воспитанием, языком, религиозными представлениями и аксиологическими установками.

Таким образом, обобщая теоретические положения о том, что картина мира является отражением действительности в психике человека в определенной культурно-исторической среде, мы под ней понимаем *целостное отображение реальности в сознании человека, которое, преломляясь через призму его внутреннего мира и заложенных в нем элементов этнического кода народа, к которому он принадлежит, материализуется в форме языка.* Данная концепция создана на базе того, что: во-первых, картина мира понимается не просто как изображение действительности, а как действительность в безотрывном союзе с ментальной деятельностью; во-вторых, ментальная деятельность человека всегда этнически обусловлена; в-третьих, объективное представление о мире, усваиваясь индивидом, приобретает новые, субъективные признаки.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 366 с.
2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
3. Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. С. 350-378.
4. Постовалова В.И. Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека: сб. науч. тр. / МГПИИЯ. – М., 1987. Вып. 284. С. 65-72.

5. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
6. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2006. 227 с.
7. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2002. 128 с.

УДК / UDC 81.37; 81.22

Эгоцентризм – эгоизм – индивидуализм: соотношение понятий

Уваров Андрей Алексеевич
Аспирант
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
e-mail: auvarov2008@gmail.com

Аннотация

В данной статье предпринята попытка рассмотреть содержательный минимум понятия «эгоцентризм», проанализировать близкие к нему понятия «индивидуализм» и «эгоизм», что ориентировано в дальнейшем на комплексное описание коммуникативной категории эгоцентризма. В результате рассмотрения словарных дефиниций анализируемых понятий были сделаны выводы, что эгоцентризм представляет собой абстрактную категорию, содержательный минимум данного понятия не отличается четкостью и конкретизируется с помощью апелляции к ассоциативно близким понятиям «эгоизм» и «индивидуализм». Объем понятия «индивидуализм» шире понятия «эгоцентризм». Понятия «эгоизм» и «эгоцентризм» содержательно ближе друг другу, их инвариантным признаком является ‘предпочтение своих интересов интересам других людей’. Отличия обнаруживаются, во-первых, в интенсивности их проявления (эгоцентризм – крайняя степень проявления эгоизма), во-вторых, в намеренности /неосознанности пренебрежения к интересам окружающих.

Ключевые слова: эгоцентризм, эгоизм, индвидуализм, понятие.

Egocentrism – egoism – individualism: correlation of concepts

Uvarov Andrey Alekseevich
PhD student
Volgograd state socio-pedagogical university
Volgograd, Russia
E-mail: auvarov2008@gmail.com

Abstract

The article attempts to consider the content of the concept "egocentrism", to analyze the concepts of "individualism" and "egoism" close to it. This will allow to provide a comprehensive description of the communicative category of egocentrism. The dictionary definitions’ review of the analyzed concepts led us to the conclusion that egocentrism is an abstract category, the content minimum of this concept is not clear and is concretized by appealing to the associatively close concepts of "egoism" and "individualism". The capacity of the concept "individualism" is wider than the concept "egocentrism". The concepts “egoism” and “egocentrism” are meaningfully closer to each other, their invariant feature is ‘preference of one’s own interests to the interests of other people’. Differences are found, firstly, in the intensity of their manifestation (egocentrism is an extreme degree of manifestation of egoism), and secondly, in the intentionality / unawareness of disregard for the interests of others.

Key words: Egocentrism, egoism, individualism, concept.

Изучение категорий, играющих значимую роль в организации

коммуникативного взаимодействия, представляет несомненный интерес для лингвистики. Эгоцентризм может рассматриваться в различных аспектах – когнитивном, характеризующем процессы восприятия и мышления; этическом, проявляющемся в непонимании моральных оснований поведения других людей; коммуникативном, обусловливающем и выявляющем трудности в общении. В данной статье предпринята попытка рассмотреть содержательный минимум понятия «эгоцентризм», проанализировать близкие к нему понятия «индивидуализм» и «эгоизм», что призвано в дальнейшем представить комплексное описание коммуникативной категории эгоцентризма. В соответствии с задачей уточнения ключевого для настоящего исследования понятия обратимся к толкованиям данной лексемы, представленным в толковых и энциклопедических словарях для того, чтобы выделить существенные дифференциальные признаки интересующего нас понятия и установить его корреляции с близкородственными понятиями.

Обращение к толковым словарям позволяет проследить этимологию слова ‘эгоцентризм’, которое восходит к латинскому *ego* – я и *centrum* – центр, и определяется как «*крайний индивидуализм, взгляд на себя как на центр мироздания*» [1]. Схожее толкование мы обнаруживаем в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой и в Историческом словаре галлицизмов русского языка: «*Крайняя форма проявления эгоизма и индивидуализма, образовавшаяся на основе умозаключения, что личное "я" составляет центр всего мироздания*» [2; 3]. Показательно, что в данном определении эгоцентризм трактуется с помощью двух синонимов – эгоизм и индивидуализм, акцентируется внимание на крайней степени их проявления.

Следует подчеркнуть, однако, что толковые словари не дают четкого представления об интересующем нас понятии, так как представленные в них определения отличаются малой дефиниционностью (ср., например, определение в словаре С. И. Ожегова: «*эгоцентризм – крайняя степень эгоизма»* [4]).

Поскольку при толковании эгоцентризма обнаруживаются два близкородственных понятия, к которым апеллируют авторы, – эгоизм и индивидуализм, далее считаем целесообразным внимательнее присмотреться к

этим понятиям.

Д. Н. Ушаков определяет эгоизм как «*себялюбие, предпочтение личных интересов другим*» [1]. В этой же парадигме рассуждает и С. А. Кузнецов, толкуя эгоизм как «*поведение, целиком определяемое мыслью о собственной пользе, выгоде, предпочтение своих интересов интересам других людей, себялюбие*» [5]. Подобное определение эгоизма через понятие себялюбия встречается у С. И. Ожегова, дающего следующую трактовку: «*эгоизм – себялюбие, предпочтение своих, личных интересов интересам других, пренебрежение к интересам общества и окружающих»* [4]. И нельзя не упомянуть В. И. Даля и его определение: «*эгоизм – забота только лишь об одном себе, без вниманья к другим*» [6].

Очевидно, что все проанализированные нами определения акцентируют внимание на следующих основных признаках эгоизма: а) себялюбие, проявление любви к себе; б) предпочтение собственных интересов, выгоды; в) пренебрежение к интересам других.

Что касается понятия «индивидуализм», то оно рассматривается в контексте дихотомии «индивидуальное-коллективное». Так, в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой обнаруживаем следующую трактовку: 1. «*стремление к выражению своей индивидуальности, к противопоставлению себя коллективу*»; 2. «*поведение, выражающее стремление к выражению своей индивидуальности, к противопоставлению себя коллективу*» [2]. Аналогичные определения индивидуализма встречаются у большинства авторов: «*Стремление к яркому выражению личности, независимому от подчинения воле коллектива; поведение, воплощающее это стремление*» [1; 5]. Для настоящего исследования небезынтересной представляется трактовка индивидуализма как нравственного принципа, позволяющего индивиду противопоставить собственные интересы интересам окружающих: «*Нравственный принцип, ставящий интересы отдельной личности выше интересов общества*» [4], что перекликается с понятием эгоизма.

Привлечение в круг дефиниционного рассмотрения энциклопедических словарей как выразителей научной картины мира в целом подтверждает

результаты проведенного анализа, несмотря на тот факт, что содержание научных понятий эгоизма и индивидуализма варьируется в зависимости от конкретных научно-философских течений.

В частности, философское понимание эгоизма, представленное в энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, выделяет два вида эгоизма – теоретический: «*Понятие равнозначное солипсизму (от solus – одинокий и ipsum – сам), философской концепции согласно которой несомненна* ***одна реальность моего сознания****; существование же* ***помимо моего сознания*** *внешнего мира и других одушевленных существ* ***подлежит сомнению***» и моральный или практический: «*Взгляд на человеческое поведение, согласно которому единственным мотивом человеческих действий является* ***удовлетворение личных потребностей,*** *т.е. стремление к личному благополучию*» (выделено нами – *А.У.*) [7]. При этом в философской парадигме имеется дифференциация эгоизма и эгоцентризма с точки зрения преднамеренности /осознанности: эгоцентризм – *стремление ставить себя в центр всего. От эгоизма отличается принадлежностью к более интеллектуальному измерению. Эгоизм предосудителен, тогда как эгоцентризм может рассматриваться скорее как иллюзия или ошибка в оценке перспективы. Именно через призму эгоцентризма непосредственно воспринимает мир ребенок или идиот* [8].

С психологической точки зрения эгоизм трактуется как «*Ценностная ориентация субъекта, характеризуемая преобладанием в его жизнедеятельности своекорыстных личных интересов и потребностей безотносительно к интересам других людей и социальных групп*» [9]. И что примечательно, автор не поддерживает идеи о противопоставлении альтруизма и эгоизма, хотя и признает наличие такого противопоставления в обыденном понимании, так как поддерживает выраженную в философии идею о том, что действия, совершаемые индивидом для других, в равной степени полезны как тем, для кого он их совершает, так и ему самому, поскольку все они являются частью одного целого – общества. Такую идею выдвигал в своих философских рассуждениях социолог Георг Зиммель [10; 11].

Индивидуализм как философское направление считает*, «что целью и*

содержанием исторического процесса является всестороннее развитие индивидуальной личности и освобождение ее от принудительных общественных связей» [1]. В самом общем виде индивидуализм как моральное или социальное мировоззрение подчеркивает индивидуальную свободу, личную независимость и первостепенное значение личности, признает приоритет интересов индивида над коллективными интересами.

Таким образом, индивидуализм не всегда / не обязательно преследует своекорыстные цели, в большей степени сконцентрирован на ярко выраженной независимости и уверенности в себе, неординарности и неповторимости личности и тем самым ее противопоставленности коллективу.

Примечательно, что содержание понятия эгоцентризма, представленное в русскоязычной лексикографии, является в определенной степени универсальным, понимание эгоцентризма оказывается идентичным в различных лингвокультурах. В частности, в языковом сознании носителей англоязычной лингвокультуры эгоцентризм сводится к чрезмерному интересу к себе и заботе о собственном благополучии.

Например, Cambridge Dictionary описывает эгоцентризм как: «*Thinking only about yourself and what is good for you*» [12], Collins Cobuild определяет эгоцентрика (эгоцентризм рассматривается как свойство присущее эгоцентрику) как: «*Someone who is egocentric thinks only about themselves and their own wants and does not consider other people*» [13] и Merriam-Webster Dictionary трактует эгоцентризм как: «*Excessive interest in oneself and concern for one's own welfare or advantage at the expense of or in disregard of others*» [14].

Аналогичные представления обнаруживаются у носителей немецкого языка, которые трактуют эгоцентризм как позицию человека, ориентированного на себя, рассматривающего свою личность как центр всего происходящего.

Например, электронный словарь Spektrum.de и словарь Duden определяют эгоцентризм как: «*bezeichnet die Haltung eines Menschen, der seine eigene Person als das Zentrum allen Geschehens betrachtet und alle Ereignisse von seinem eigenen Standpunkt und vor seiner eigenen Perspektive aus bewartet*» [15; 16].

Резюмируя наши рассуждения, подчеркнем, что эгоцентризм представляет

собой абстрактную категорию, содержательный минимум данного понятия не отличается четкостью и конкретизируется с помощью апелляции к ассоциативно близким понятиям «эгоизм» и «индивидуализм». Итогом дефиницонного анализа интересующих нас понятий становится вывод, что объем понятия «индивидуализм» шире понятия «эгоцентризм». Содержание понятия индивидуализма не включает в себя признаки с явной негативной коннотацией. Индивидуалист, выделяясь из общего контекста, противопоставляя себя обществу и защищая собственное мировоззрение, уважает себя как личность, не пренебрегает чувствами окружающих, стремится к росту и развитию.

Понятия «эгоизм» и «эгоцентризм» содержательно ближе друг другу, имеют общую смысловую часть: предпочтение своих интересов интересам других людей. На поверхностном уровне отличие обнаруживается в интенсивности их проявления: эгоцентризм – крайняя степень проявления эгоизма.

Эгоист может отчетливо осознавать цели, стремления, переживания и ценности окружающих, но намеренно пренебрегает ими и готов ими пожертвовать в пользу собственных. Он всегда предпочитает собственные интересы, а на благо окружающих действует, только если это выгодно ему самому. Эгоцентрик полностью сконцентрирован на своих интересах и своей точке зрения, он не способен воспринимать чужую точку зрения, не может поставить себя на место другого. Эгоист может не быть эгоцентричным, в то время как эгоцентрик может вести себя как эгоист.

Список литературы

5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] М. : Аделант, 2014. 800 с. URL: https://www.iprbookshop.ru/44160.html (дата обращения: 04.09.2022).
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. 1209 с.
7. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс] М. : ЭТС, 2010. 5140 с. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения: 04.09.2022).
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Азъ, 1994. 907 с.
9. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Норинт, 1998. 1535 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. ; совмещ. ред. изд. Даля В.И. и Бодуэна де Куртенэ И.А. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.
11. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь ; под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). СПб. : Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890-1907. Т. 1-41А, доп. 1-2А.
12. Конт-Спонвиль А. Философский словарь ; пер. с фр. Е. В. Головиной. М. : Этерна, 2012. 752 с.

13. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М. : АСТ, Харвест, 1998. 554 с.
14. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. Т. 2. 607 с.
15. Simmel, G. (1950). *The Sociology of Georg Simmel*. Ed. by K.H. Wolf. URL: https://archive.org/details/sociologyofgeorg030082mbp/page/14/mode/2up (дата обращения: 04.09.2022).
16. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 04.09.2022).
17. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged, 12th Edition. 2014. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/egocentrism (дата обращения: 04.09.2022).
18. Dictionary by Merriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/egocentrism (дата обращения: 04.09.2022).
19. Duden. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Egozentrismus (дата обращения: 04.09.2022).
20. Spektrum.de. Nachrichten aus Wissenschaft und Forschung. URL: https://www.spektrum.de/lexikon/psychologie/ (дата обращения: 04.09.2022).

References

4. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of Modern Russian Language [Electronic resource] Moscow. : Adelant, 2014. 800 pp. URL: https://www.iprbookshop.ru/44160.html (accessed 04.09.2022).
5. Efremova T.F. New dictionary of Russian language. Explanatory Vocabulary. M. Russian Language, 2000. 1209 pp.
6. Epishkin N.I. Historical dictionary of gallicisms of Russian language [Electronic resource] Moscow. : ETS, 2010. 5140 pp. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (accessed 04.09.2022).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory Dictionary of Russian Language: 72500 words and 7500 phraseological expressions [electronic resource] / RAS, Institute of Russian linguistics, Russian Cultural Foundation. M. : Az', 1994. 907 pp. URL: https://slovarozhegova.ru/ (accessed 04.09.2022).
8. Kuznetsov S.A. Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / RAS, Institute of Linguistic Studies. SPb. : Norint, 1998. 1535 pp.
9. Dahl V.I. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: selected articles. Eds. Dahl V.I. and Baudouin de Courtenay I.A. M. : OLMA Media Group, 2009. 573 pp.
10. Brockhaus F.A., Ephron I.A. Encyclopaedic Dictionary; Eds. I. E. Andreevskii, K. K. Arseniev, and F. F. Petrushevskii. Edited by F. A. Brockhaus (Leipzig), I. A. Efron (St. Petersburg). SPb. : Semenovskaya Typo-Litografia I. A. Efron, pp. 1890-1907. Vol. 1-41A, Suppl. 1-2A.
11. Comte-Sponville A. Philosophical Dictionary ; translated from French by E. V. Golovina. M. Eterna, 2012. 752 pp.
12. Golovin S.Y. Dictionary of practical psychologist. M. AST, Harvest, 1998. 554 pp.
13. Simmel G. Selected. Contemplation of life. M. : Jurist, 1996. 607 pp. Vol. 2.
14. Simmel, G. (1950). *The Sociology of Georg Simmel*. Ed. by K.H. Wolf. URL: https://archive.org/details/sociologyofgeorg030082mbp/page/14/mode/2up (accessed 04.09.2022).
15. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (accessed 04.09.2022).
16. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged, 12th Edition. 2014. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/egocentrism (accessed 04.09.2022).
17. Dictionary by Merriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/egocentrism (accessed 04.09.2022).
18. Duden. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Egozentrismus (accessed 04.09.2022).
19. Spektrum.de. Nachrichten aus Wissenschaft und Forschung. URL: https://www.spektrum.de/lexikon/psychologie/ (accessed 04.09.2022).

УДК/UDC 81-13

Сопоставительный анализ речевых суеверий в туркменском и русском языках

Ходжаева Мамур
студентка 4 курса, бакалавр, ИФЖиМКК ЮФУ
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: mamur.khodzhayeva@mail.ru

Груданова Ирина Юрьевна
старший преподаватель ИФЖиМКК ЮФУ, кафедра русского языка для иностранных учащихся
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: grudanova@sfedu.ru

Аннотация

В статье авторы анализируют речевые суеверия в туркменском и русском языках методом сопоставления. Целью является выявить сходства и различия речевых суеверий и их использование в настоящее время. В качестве примеров приводятся широко употребляемые речевые суеверия. В своем исследовании авторы ссылаются на научные труды авторитетных лингвистов и психологов, а также на результаты опроса русских и туркменских респондентов. Результаты исследования выявляют степень веры или неверия в речевые суеверия. Тема статьи также актуальна тем, что подчёркивает тесную историческую связь между двумя народами и их культурой.

Ключевые слова: символ, речевое суеверие, клише, культура речи.

Comparative analysis of speech superstitions in the Turkmen and Russian languages

Khodjaeva Mamur
4th year student, bachelor, IFZhIMKK SFedU
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: mamur.khodzhayeva@mail.ru

Grudanova Irina Yurievna
Senior Lecturer, IFZhIMKK SFedU, Department of the Russian Language for Foreign Students
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: grudanova@sfedu.ru

Abstract

In the article, the authors analyze speech superstitions in the Turkmen and Russian languages by the method of comparison. The goal is to identify the similarities and differences of speech superstitions and their use at the present time. Widely used speech superstitions in both languages are given as examples. In their study, the authors refer to the scientific works of reputable linguists and psychologists, as well as to the results of a survey of Russian and Turkmen respondents. The results of the study reveal the degree of belief or disbelief in speech superstitions. The topic of the article is also relevant in that it emphasizes the close historical connection between the two peoples and their culture.

Key words: symbol, speech superstition, cliche, culture of speech.

Как известно в языке нет ничего случайного. Возникшие звук, слово, фразеологизм, закрепились в человеческом общении для решения важнейших задач: назвать что-либо, озвучить, оформить мысль и так далее. В древние времена люди к словам относились особенно, не как к простым названиям, а как к их составной части. И было бы отлично, если бы так в языке появлялось всё больше слов, отражающих положительное понимание вещей. Но жизненный опыт людей демонстрирует, что, как правило, за многими понятиями тянулось негативное значение, а хорошее оставалось не высказанным. Не всем известно, что многие произнесённые слова обладают особой энергетикой, способной положительно или отрицательно повлиять на судьбу человека. В каждом языке как в зеркале, отображается реальный мир, его понимание и психология. Именно в языке имеет место быть архаичным и современным суевериям. [1]

Рассмотрим некоторые концепции речевого суеверия и связанные с ним коннотации. В мифологическом понимании язык представляет собой особую силу, содержащуюся в отдельном слове с присущей ему универсальной возможностью. Каждое название заключает в себе сущность самой вещи, а магия слова и имени основывается на предпосылке, согласно которой мир вещей и мир имён постоянно взаимодействуют, представляя собой единую действительность. [2]

Немецкий мыслитель Эрнст Кассирер — представитель марбургской школы неокантианства — в своем трактате *«Философия символических форм»* выделяет три стадии, через которые проходит язык на пути к присущей ему форме. Первая — это стадия мимического (подражательного) выражения, вторая - аналогического выражения. Третью стадию развития языка Э. Кассирер определяет как стадию символического выражения. Именно последнюю стадию Э. Кассирер считает высшей ступенью развития языка. На этой ступени язык способен выразить «гармоническую» картину мира, и *«...знак окончательно отбрасывает всякую частность и случайность, он становится чистым выражением всеобщего порядка»*. [3]

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета Т. С.

Садова заключает: *«Важно понимать, что при выборе слов и других речевых единиц, человек, по сути, определяет свое отношение к речевой культуре, то есть делает выбор: соблюдать литературную норму или нарушать ее, следуя речевым суевериям или иным соображениям и заблуждениям».* [4]

Ранние исследования филологов и психологов определяли суеверие как явление, которое может быть объяснено естественным, таинственным и сверхъестественным образом. Некоторые считали, что язык может принести человечеству счастье или беду, и действительно верили в то, что язык является божественным творением. В узком смысле, поскольку люди не имели научного представления о природных явлениях и не могли разумно объяснить какую-то аномальную естественную силу, язык обладал силой, выходящей за рамки его первоначального предназначения. Анализируя речевые суеверия в широком и узком смысле, можно заключить: речевые суеверия являются широко распространенным социально-культурным явлением.

В различных приметах туркменский и русский языки имеют собственные суеверия. Поэтому в нашей работе должное внимание уделяется сравнительному исследованию сходства и различия между речевыми суевериями двух народов.

Русский язык относится к славянской группе индоевропейских языков, а туркменский - к огузской группе тюркских языков. Соответственно морально-нравственная норма, которая интерпретируется в исследуемых языках в рамках речевых суеверий, имеет свои особенности и различия.

В русском языке существуют такие синонимичные прилагательные как *«крайний и последний»*, использованию которых уделено достаточное внимание. Конечно, норма литературного языка требует произносить *«Кто последний?»*. Однако русский человек чувствует, что *«крайний в очереди»* звучит менее категорично. В чём же причина? Следуя логике речевого суеверия, *крайний* — всего лишь конечный относительно остального, а *последний* — за ним пустота. Условно говоря, пусть на всякий случай *«последний»* будет *«крайним».* [5]

Согласно нашим исследованиям, на вопрос «Какое обращение вы выберите, если Вам нужно занять очередь? Крайний или последний?», 46 человек (92%) из 50 выбрали вариант *«крайний»*. Оставшиеся четверо (8%) - *«последний»*. Исходя

из результатов опроса, можно сделать вывод, что большинство людей предпочитают быть крайними, но не последними.

В туркменском языке такого речевого суеверия не существует, так как нет ни одного синонима, который подходил бы к слову ***«последний»***.

При исследовании в русском и в туркменском языках можно встретить суеверие, связанное с воем собаки. Считалось, что вой собаки – это знак смерти или беды в семье. Но в отличии от туркменского речевого суеверия, в русском языке такое суеверие уже давно утратилось. Хотя в давние времена существовал такой заговор, как например ***«Собачий вой из ворот долой, из калитки дубовой да в бор еловый!».*** Сегодня домашние животные являются полноправными членами семьи, поэтому в современном обществе речевое суеверие *«На твою голову!»* не используется. Чтобы убедиться в данном утверждении, нашим русским респондентам было предложено ответить на вопрос: «Если воет собака, то говорят *«на твою голову»*. Знакомо ли Вам данное суеверие?». Как и ожидалось, никто не дал положительный ответ.

В то время как в туркменском языке такое речевое суеверие используется и по сей день. Вой собаки предвещает проблемы в доме. Чтобы защитить себя от беды, туркменские люди произносят ***«На твою голову!»***.

Леса, поля, реки — всё это в представлениях древних людей на Руси находилось под защитой духов. Люди боялись всякой нечисти, таких как леших, домовых, чертей и других существ, которых сами же придумали. Охотники считали, что духам леса понятен язык местных жителей, поэтому использовали так называемые подставные слова. Например, до сих пор якуты во время охоты используют русские слова «…не известные местным духам и зверям».

Похожим образом в современном русском языке оказалось выражение ***«ни пуха ни пера»*** из охотничьего жаргона. Выражение стало важным заклинанием на Руси, без которого идти на охоту было опасно.

Этой фразой давали понять лесному духу (лешему у восточных славян), что охота для охотника будет неудачной. Такой вот обман! Охотник на такое не самое приятное пожелание должен был ответить: *«К чёрту!».*

В туркменском языке тоже есть речевое суеверие, связанное с пожеланием удачи охотнику (*Добыча с кровью! или Пусть твоя добыча будет с кровью!*). В отличии от русского речевого суеверия это выражение не имеет значения универсального пожелания удачи.

В туркменской культуре когда-то вместо духов природы, считалась живой сама природа. Поэтому в языке появились такие речевые суеверия, связанные с приветствием и проявлением уважения к природным красотам. Так например, если человеку в тёмный период времени нужно пойти к источнику, то подойдя к воде, он произнесёт: «*Салям аллейкум, дядя вода*!». [6]

Если рассматривать сходство в речевых суевериях обоих языков, то оно имеет особый лингвистический смысл.

1) *Слова, связанные со смертью*

Здоровье, старость, болезнь, смерть – всё это человеческая природа. Но страх перед смертью привёл людей к табу на эту тему. В древнем и современном языке было и остаётся запретом произносить слова, которые связаны со смертью.

Речевые табу не редкость в нашем общении, часто именно такие запреты порождают ряды синонимов, смягчающих или окольно называющих нечто опасное или сакральное. Смерть человека – это боль и большая потеря для его близких. Поэтому в русском и в туркменском языках собеседники часто

стараются не произносить слово *умер*, а вместо этого используются: *скончался, перешёл в мир иной, ушел из жизни, не с нами, покинул нас* и т. п.

2) Слова, защищающие человека от неблагоприятных событий

Как уже упоминалось, люди верят в магию слова и всячески избегают разговоров о плохих вещах или событиях, так как могут их навлечь на себя.

В Туркменистане если люди во время разговора услышат о бедах или несчастиях, то, защищая себя, обязательно произнесут: «***Худай сакласын, тоба тоба, даш этсин!»*** (*Боже упаси!*). Если собеседник предполагает, что может случиться что-то плохое, то ответит: «***Пусть твои слова отнимет бес!»***. Если же предвещается что-то хорошее, обязательно скажет: «***Пусть Всевышний услышит твои слова!»***. Когда в задумчивости человек сам вспоминает о плохих событиях, которые могут произойти в будущем, то в таком случае говорит: «***Гайтмышым!»*** (*Беру свои слова обратно!*). [7]

Стоит заметить, что, изучая устойчивые словосочетания в русском языке, находишь отражение данной темы, например, ***Помяни чёрта – он и явится***. Также существуют речевые суеверия, например ***Типун тебе на язык***, ***Чтоб у тебя язык отсох, Не дай Бог, Бог отвёл, тьфу-тьфу-тьфу***. Так и в туркменском языке, если кто-то предвещает благоприятные события, ему говорят: ***«Твои слова да богу в уши!»*** или «***Бог даст, а мы возьмём!»***

3) Боязнь названий опасных животных и злых духов

В языке предков было опасение произносить названия опасных животных. Данная языковая особенность (***табу)*** подразумевает строгий запрет на произнесение какого-либо слова в языке, которое связано с верой в проклятие или беду. Следовательно, табуированные слова в языке приходилось заменять новыми словами или оборотами описания. В языке они имеют термин «эвфемизм», от греческих слов *«eu»* (хорошо) и *«phemi»* (говорю). Так, например, в русском языке появилось слово *«медведь»*, дословно обозначающее того, кто ведает мёдом и знает в нём толк. Позже в это слово было вложено особое понятие, выражающее страх от этого животного. И до сих пор некоторые охотники говорят не *медведь*, а *хозяин* (например, *хозяин тайги)*.

Аналогично и в русском языке появилось слово *«змея»* (змий), дословно

переводится «земляная». Это тоже явилось заменой древнего запрета в языке, так как люди опасались укуса змеи. В туркменском языке тоже есть речевое суеверие, связанное с запретом произнесения слова *«змея».* Заменой могут послужить слова *«ползучий»* или *«кыш-кыш»*. Раньше люди полагали, что если произнести слово *«змея»*, то можно привлечь к себе это опасное пресмыкающееся. [8]

Исходя из вышеперечисленных сравнений и исследований, приходим к выводу, что и в русском языке и в туркменском языке есть свои сходства и различия в речевых суевериях. Современный человек живет в мире, насыщенном разнообразной информацией. Но все это не мешает ему видеть и чувствовать всё, что его окружает. Ориентироваться в пространстве людям помогают народные речевые суеверия, которые остаются популярными в языке и на слуху. В ходе исследования было определено, что сегодня многие люди продолжают верить в речевые суеверия. Чаще употребляются в языке те речевые суеверия, в которые можно и нужно верить.

Итак, в ходе нашего опроса приняли участие 100 человек: 50 русских респондентов и 50 туркменских. На заданный вопрос «Верите ли вы в речевые суеверия?», 31 из 50 русских респондентов (62%) дали положительный ответ и 19 (38%), что не верят; 39 (78%) из 50 туркменских респондентов ответили положительно и 11 (22%) отрицательно.

Таким образом, можно резюмировать, что выбранная нами тема весьма актуальна и требует дальнейших научных исследований. Несмотря на то, что мы говорим на разных языках и у каждого народа свои этнические особенности, своя культура и традиции, между нами остаётся много общего. Все мы немного суеверны по своей природе.

Список литературы

1. Шевцова И. С. Приметы и суеверия в русском языке. М., Дрофа. 2018. С. 256.

2. Гозиас А. Е. Культурология. М., Азбука. 2019. С. 326.

3. Концепция языка в работе Эрнста Кассирера «Философия символических форм». Молодой ученый. URL: https://moluch.ru/archive/90/18546/ (дата обращения: 16.04.2022)

4. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. // Сост. и отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 688. URL: https://www.litmir.me/br/?b=201473&p=1 (дата обращения: 14.04.2022)

5. «Крайний» или «последний»: речевые суеверия и нормы литературная норма.

URL:https://pikabu.ru/story/krayniy_ili_posledniy_rechevyie_sueveriya_i_normyi_literaturnaya_norma_6373708 (дата обращения: 16.04.2022)

6. Atawatan Türkmenistan. URL: https://www.atavatan-turkmenistan.com/ru/halk-icindaki-yrymlar/ (дата обращения: 18.04.2022)

7. Türkmeniň däp-dessurlary we edep kadalary. URL: turkmenin-dap-dessurlary-we-edep-kadalary.pdf&lr (дата обращения: 18.04.2022)

8. Arazbaý Oräýew «Ырымлар» (Аразбай Ораев, «Приметы») URL: https://kitaphana.net/book/2539/read (дата обращения: 18.04.2022)